

LE DÉMOCRATE-SOCIALISTE.

Revue trimestrielle

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕГДЪ СТРАНЬ,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

СОЦИАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ

N° 1

ТРЕХМЕСЯЧНОЕ
ЛИТЕРАТУРНО
ПОЛИТИЧЕСКОЕ

БОЗРЪНІЕ

ЛОНДОНЪ

ТИПОГРАФІЯ „СОЦІАЛЬ-ДЕМСКРАТА”

1890

№ 12150.

Russischer Leserverein

93

LE

DÉMOCRATE-SOCIALISTE

СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ

трехмѣсячное
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ
обозрѣніе.

ФЕВРАЛЬ
книга первая.

ЛОНДОНЪ

Типографія "Соціалъ-Демократа"

1890

Содержаніе.

	Стр.
ОБЪ ИЗДАНИИ „СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТА“	1
УЛИЧНАЯ ТОРГОВКА, разсказъ Поля Эзи, переведено съ французскаго.	3
НАШИ БЕЛЛЕТРИСТЫ - НАРОДНИКИ. Статья вторая (С. Каронинъ). Г. Плеханова	12
РЕВОЛЮЦІОНЕРЫ ИЗЪ БУРЖУАЗНОЙ СРЕДЫ В. Засуличъ	49
Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ. Г. Плеханова	79
ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА РУССКАГО ЦАРСТВА . Фридриха Энгельса	175

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ

СТОЛѢТІЕ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.	1
МЕЖДУНАРОДНЫЙ РАБОЧИЙ СОЦІАЛИСТИЧЕСКІЙ КОНГРЕССЪ ВЪ ПАРИЖѢ (14 — 21 іюля 1889). Новаго Товарища.	16
ПО ПОВОДУ СТАЧКИ НА ЛОНДОНСКИХЪ ДОКАХЪ. Письмо въ Редакцію. Элеоноры Марксъ-Эвелингъ	35
ОТРЕЧЕНІЕ БУРЖУАЗІИ. (Изъ нѣмецкаго „Соціалъ-демократа“) Фрид. Энгельса.	41
ВНУТРЕННЕЕ ОВОЗРѢНІЕ.	46
ИЗВІЕНІЕ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ССЫЛЬНЫХЪ ВЪ ЯКУТСКѢ.	58
НОВЫЯ КНИГИ	75
АРЕСТЫ ВЪ РОССІИ	108

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ ИЗЪ БУРЖУАЗНОЙ СРЕДЫ.

I

Въ настоящей статьѣ мы хотимъ говорить, собственно, о русской революціонной интеллигенціи, которая за послѣдніе годы какъ будто остановилась на распутьи и раздумываетъ, куда пойти ей: свернуть ли направо для соединенія съ высшими классами, пойти ли на лѣво и искать серьезнаго союза съ рабочими, или идти на проломъ, считывая лишь на собственныя силы, то есть на „терроръ“.

Но прежде чѣмъ говорить о русскомъ движеніи, намъ кажется небезполезнымъ припомнить, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, полузабытую у насъ физіономію западнаго революціонера изъ буржуазіи.

Намъ это кажется небезполезнымъ, во первыхъ потому, что у нашей революціонной интеллигенціи, твердо знающей, что на западѣ буржуазія была революціонна, боролась съ абсолютизмомъ и завоевала политическую свободу, имѣется, повидимому, очень сбивчивое представленіе о томъ буржуа, который былъ революціонеромъ, боролся и завоевалъ... Онъ, то рисуется ей чѣмъ-то аналогичнымъ, по образу мыслей, солидности и положенію русскому „либералу“, „отцу“, „земцу“, которымъ и выставлялся не разъ въ нашихъ подпольныхъ изданіяхъ, въ видѣ примѣра для подражанія: а то вдругъ окажется и еще солиднѣе: финансистомъ или крупнымъ предпринимателемъ.

Это смутное представленіе о западномъ борцѣ за политическую свободу не можетъ не вліять, въ свою очередь, и несомнѣнно вліяетъ самымъ путающимъ образомъ на наши представленія о роли, какъ „общества“, такъ и самыхъ революціонеровъ въ русской борьбѣ за ту же свободу, на наши понятія о значеніи въ этой борьбѣ социализма и социалистовъ.

Съ другой стороны, революціонное движеніе въ средѣ образованной буржуазіи Франціи и Германіи въ первой половинѣ XIX-го вѣка имѣло, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, много общаго съ русскимъ революціоннымъ движеніемъ.

Мы искали, конечно, другаго содержанія для своего революціоннаго идеала, вмѣсто республиканскаго идеала, съ которымъ выступили наши западные предшественники. Но по своему общему характеру, по тѣмъ элементамъ образованныхъ классовъ, которые оно захватываетъ, по тѣмъ силамъ, которыя оно можетъ развить и по доступнымъ для него средствамъ, наше революціонное движеніе является несомнѣннымъ историческимъ ровесникомъ исчезнувшаго послѣ 1848 года революціоннаго движенія среди образованныхъ классовъ Европы. Поэтому-то намъ и не бесполезно припомнить: въ чемъ была сила этихъ образованныхъ революціонеровъ и что они сдѣлали? Это можетъ представить намъ нѣкоторыя данныя для опредѣленія своей собственной силы и значенія.

Какъ мы уже сказали, положеніе русскаго революціонера представляется намъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ аналогичнымъ съ положеніемъ образованныхъ революціонеровъ Франціи и Германіи, дѣйствовавшихъ съ начала реставраціи и до 48-го года.

Образованный революціонеръ-идеологъ конца XVIII-го вѣка былъ въ иномъ положеніи и опирался на такія силы, которыхъ нѣтъ у русскаго движенія, какъ не было и у нѣмецкаго. Но вся революціонность первой половины XIX-го вѣка такъ тѣсно связана съ великой революціей XVIII-го; всѣ постепенно видоизмѣнявшіяся программы и теоріи внуковъ до такой степени коренятся въ міровоззрѣніи ихъ знаменитыхъ дѣдовъ, что невозможно не начать съ нихъ.

Къ чему стремились идейные представители великой буржуазной революціи? Во всякомъ случаѣ не къ господству и благополучію современной буржуазіи. Прежде чѣмъ окончательно вымерло ихъ поколѣніе его остаткамъ удалось познакомиться съ болѣе или менѣе опредѣлившимся уже типомъ новаго господствующаго класса и съ однимъ изъ лучшихъ образцовъ новаго строя, при конституціонной монархіи Луи Филиппа. И старики отвернулись съ презрѣніемъ отъ своихъ довольныхъ сыновей, возненавидѣли новый строй, мѣшались въ заговоры и шли умирать на баррикады вмѣстѣ со студентами и рабочими.

Съ своей стороны благоразумный современный буржуа, хотя и доволенъ матеріальными результатами революціи, но за то очень недоволенъ ея нравственными послѣдствіями и въ досужія минуты охотно мечтаетъ о томъ, какъ хорошо было бы, если бы стараго революціонера вовсе не бывало на свѣтѣ.

„Свободная Россія“, приглашавшая нашихъ революціонеровъ повернуть на право, сообщаетъ намъ мимоходомъ свои наблюденія надъ запоздалыми на цѣлое столѣтіе для западной Европой, по назидательными, по ея мнѣнію, для Россіи, утопіями, носящимися теперь предъ умственными очами „благоразумныхъ людей Франціи“.

„Во Франціи, говоритъ эта газета, „благоразумные люди разныхъ партій, — какъ между консервативными монархистами, такъ и среди радикальнѣе республиканцевъ, соглашаются въ томъ, что неурядицы времени великой революціи и ихъ послѣдствія, чувствуемая и до сихъ поръ, могли бы быть предупреждены, еслибы страна, попавши въ тиски абсолютной монархіи, сохранила хоть старыя провинціальныя земскіе чины (états), или еслибы новыя провинціальныя собранія чу-

реждены были по всей странѣ не въ 1787 г., а хотъ 15-20 лѣтъ раньше и если бы затѣмъ и Земскій Соборъ 1789 г. тоже былъ созванъ раньше и явился бы естественнымъ завершеніемъ провинціального самоуправления“.*)

Какъ хорошо было бы въ самомъ дѣлѣ, если бы генеральные штаты собрались пораньше, пока не выросло еще революціонное поколѣніе, воспитавшееся на философскихъ теоріяхъ. Да если бы еще въ эти генеральные штаты попали все опытные дѣльцы старыхъ провинціальныхъ чиновъ, тогда ужъ навѣрное не было бы никакихъ потрясеній. Дѣльцы не зауярились бы, засѣдали бы себѣ отдѣльно по сословіямъ, держали бы рѣчь королю на колѣняхъ, какъ требовалось по программѣ 1614 г., которую отстаивали парламенты — эти остатки стараго самоуправления. Они исполнили бы все, что отъ нихъ требовалось, но при этомъ пожалуй что нибудь выторговали бы у правительства. Ихъ скоро созвали бы опять и они опять что нибудь да выпросили бы. Дальше да больше, и понемногу всѣ благообразныя, практичныя требованія буржуазіи были бы удовлетворены. Правда, на французскомъ престолѣ, быть можетъ, еще благополучно засѣдали бы Бурбоны, и навѣрное существовала бы сильная поземельная аристократія (потрясеній бы не было, а слѣдовательно — ни эмиграціи, ни конфискаціи дворянскихъ имѣній). Это очень пріятно утописту изъ дворянъ и не такъ ужъ привлекательно для буржуа республиканца. Но какъ человѣкъ благообразный, онъ видитъ, конечно, что и король, и дворянство ничтожное зло по сравненію съ тѣми напастями, какія повела за собою революція. Не привыкли возставать и побѣждать бѣднѣйшая часть городскаго населенія, рабочій не повадился бы разсуждать, совать свой носъ въ общественныя дѣла, не зазнался бы, не счелъ бы себя, въ концѣ концовъ, особымъ классомъ, которому принадлежитъ будущее. Онъ и тогда, иложимъ просилъ бы прибавки, устранялъ бы стачки, но какъ сравнительно легко было бы справляться со всѣмъ этимъ, хотя бы посредствомъ „соціальной политики“!

Но дѣло къ счастью уже не поправимо, и исторія шла не по рецептамъ благообразныхъ людей. Голодныя, неблагообразныя массы возстали и вооружились по всей Франціи, а во главѣ революціи очутились не практики и дѣльцы, а теоретики идеологи, заразившіе своимъ энтузіазмомъ всю страну, а за ней и весь тогдашній образованный міръ. Эти люди видѣли въ устраненіи тѣхъ или иныхъ злоупотребленій, въ отмѣнѣ десятины, въ равномерной раскладкѣ налоговъ, въ уничтоженіи цеховъ и проч. не однѣ лишь непосредственныя практическія удобства и выгоды, получаемыя отъ этихъ мѣръ. Нѣтъ, за всѣмъ этимъ имъ видѣлось впереди всеобщее счастье, царство разума, свободы, равенства и братства всѣхъ людей. Поэтому-то они не остановились въ скромныхъ предѣлахъ предписываемыхъ благообразной практичностью, а шли все дальше и дальше, влвая въ движеніе ту гигантскую силу одушевленія, которой хватило на то, что

*) № 2 „Своб. Рос.“, ст. 3.

бы перевернуть всю Европу и начать новую эру въ исторіи человѣчества.

Большинство этихъ людей принадлежало по рожденію и воспитанію къ буржуазіи, буржуазія имъ сочувствовала при началѣ движенія и она же воспользовалась матерьяльными плодами ихъ борьбы; поэтому они остаются въ исторіи представителями буржуазной революціи. Но субъективно, въ своемъ сознаниі, они были представителями величайшихъ интересовъ всего человѣчества. И не такъ ужь обмануло ихъ сознание.

Они видѣли предъ собою сложную, выросшую въ теченіи вѣковъ систему всевозможныхъ сословныхъ, мѣстныхъ, частныхъ правъ и привилегій, стремившихся приковать каждого къ его послѣдственному занятію.

Когда - то, при неподвижности средневѣковой жизни, при устойчивости тогдашнихъ способовъ производства и ничтожности торговли, всѣ эти права, таможи и привилегіи обезпечивали и закрѣпляли за всякимъ сословіемъ, за всякимъ городомъ и всякой мѣстной группой гражданъ одинъ и тотъ же неизмѣнный источникъ дохода, отстраняя отъ этого источника всякаго человѣка другаго класса другаго наследственнаго занятія, другаго города. Тогда дорожили этими правами и видѣли лишь ихъ хорошую сторону.

Теперь, въ XVIII-омъ вѣкѣ, когда при измѣнившихся условіяхъ производства и торговли, права и привилегіи не столько обезпечивали старые источники дохода, сколько мѣшали приобрѣтенію новыхъ, въ глаза кидалась лишь ихъ обратная сторона: несправедливость, нечѣпость, жестокость, налагаемыхъ ими стѣсненій.

Естественна была та мысль, что стоитъ лишь отнять у людей всѣ ихъ особня, несправедливыя права и привилегіи, создавшія вражду, бѣдность и неравенство и возвратить всѣмъ людямъ ихъ „естественное право“ жить и заниматься гдѣ хочешь, какъ хочешь и чѣмъ хочешь, стоитъ только уничтожить всѣ стѣсненія—и между равными отъ природы людьми, при ея неистощимыхъ богатствахъ установится и довольство и братство.

Тоже и относительно религіи съ ея обязательной проповѣдью противу-естественныхъ нечѣпостей. Стоитъ, казалось, отнять у духовенства привилегію навязывать всѣмъ и каждому эти нечѣпости и между людьми распространятся „естественныя, разумныя“ воззрѣнія.

Старая, отставшая отъ жизни система стѣсненій и привилегій терзала въ концѣ XVIII-го вѣка все крестьянство, мѣшала всѣмъ слоямъ буржуазіи и довела до того, что почти каждый человѣкъ погруженный въ свое частное дѣло, никогда не помышлявшій объ общихъ вопросахъ, былъ чѣмъ нибудь да недоволенъ и желалъ тѣхъ или другихъ, соотвѣтствующихъ его специальности, переменъ.

Начавшаяся при такихъ условіяхъ, революція доставила широкій просторъ для дѣятельности смѣлыхъ послѣдователей философовъ осьмнадцатаго вѣка.

Камни на камнѣ не осталось отъ старыхъ учреждений. Тутъ - то, думали борцы, и наступитъ царство разума, равенства и свободы,— лишь бы справиться съ врагами внѣшними и внутренними.

Они ошибались. Не въ томъ, что вѣрили въ возможность свободы и равенства для всѣхъ людей, въ разумную будущность человѣчества, а въ томъ, что думали, будто сдѣланнаго ими уже достаточно для ея наступленія.

Эта ошибка была неизбежна. Они не жмурили глазъ, не бѣжали отъ знанія, они воспользовались всѣмъ тѣмъ свѣтомъ, какой проливали тогдашнія отношенія. Но на той ступени экономическаго развитія, на которой находилась тогда Европа, самая напряженная мысль не могла еще предвидѣть во что превратится экономическая, а вслѣдъ за нею и политическая жизнь при освобожденіи ея отъ средневѣковыхъ стѣсненій, мѣшавшихъ широкому развитію производства, но задерживавшихъ въ то же время и развитіе крайняго неравенства: разложеніе третьяго сословія на капиталистовъ и людей, лишенныхъ всякой собственности.

Начавшій складываться новый строй очень скоро, оказался, по выраженію Энгельса,*) „самой злой, отрезвляющей каррикатурой на блестящія обѣщанія философовъ XVIII-го вѣка“.

Но какъ ни зло подшутили безсознательныя экономическія силы надъ сознательными стремленіями людей, устранившихъ съ ихъ пути всѣ препятствія, новое общество капиталистовъ и пролетаріевъ являлось тѣмъ не менѣе безусловно необходимымъ промежуточнымъ звѣномъ между старымъ царствомъ мелкой частной собственности и уничтоженіемъ всякой частной собственности посредствомъ организаціи всего производства по заранѣе обдуманному плану. Такое изгнаніе безсознательности изъ ея главнѣйшаго и послѣдняго убѣжища — изъ области экономическихъ отношеній — сдѣлаетъ наконецъ людей господами своей исторіи, создастъ и свободу и равенство — все то, къ чему стремились вожди великой революціи. Въ этомъ смыслѣ они не ошибались, считая себя борцами за царство разума.

II

Но это царство лежало еще далеко впереди, а тѣмъ временемъ на сцену выступили практическіе люди и принялись пожинать плоды. Когда почва была достаточно расчищена, и все старое внутри страны окончательно побѣждено, они устранили идеалистовъ и помогли утвердиться Наполеону. Измѣнили потомъ и ему. Любезничали съ союзниками, привезшими имъ въ багажъ Бурбоновъ и выхлопотали у этихъ союзниковъ, въ награду за смиреніе, хартію. Эта хартія основывалась далеко не на одномъ разумѣ. Высокій цензъ сосредоточивалъ избирательное право въ рукахъ 100,000 богатѣйшихъ гражданъ. Политическія преступленія подлежали исключительнымъ судамъ. Свобода слова и собраній была стѣснена гораздо сильнѣе, чѣмъ при

*) Развитие научнаго социализма

Людовикъ XVI. Но если нравственные „права человѣка“ вообще и не были гарантированы, то права буржуа, какъ такового, всѣ материальныя результаты революціи: свобода промышленности, права покупателей конфискованныхъ имѣній, административное и судебное единство Франціи, болѣе или менѣе равномерное распредѣленіе налоговъ остались неприкосновенными.

Теперь, какъ у крестьянъ, такъ и у массы занятой своими частными дѣлами, не помышляющей объ общественныхъ вопросахъ, промышленной буржуазіи, не было иныхъ причинъ для жалобъ и беспокойства, кромѣ нѣкотораго опасенія за цѣлость новыхъ порядковъ.

За то образованный слой буржуазіи, люди такъ или иначе соприкасавшіеся съ общественными дѣлами, идеями и теоріями были недовольны и преобладающимъ вліяніемъ дворянства при дворѣ, и въ палатѣ, и всѣми покаяніями и очищеніями отъ республиканскихъ грѣховъ, затѣянными духовенствомъ, и слишкомъ высокимъ избирательнымъ цензомъ, и стѣсненіями печати, и многимъ другимъ.

Не такъ ужъ недовольны были солидные люди изъ образованной буржуазіи, чтобы чѣмъ нибудь рисковать ради своего недовольства, но совершенно достаточно для того, чтобы въ прессѣ, палатѣ и съ каедръ упоминать какъ можно чаще слово „свобода“.

Большинству солидныхъ людей, при произнесеніи этого слова, рисовалась теперь уже не та идеальная, полная глубокаго смысла свобода, за которую боролись идейные люди предшествовавшей эпохи. Ихъ сравнительно довольные, практичные наследники не заходили далеко въ своихъ пожеланіяхъ. Но для молодого учащагося поколѣнія это слово обладало еще магической силой, заставлявшей шибко биться сердца. Для нихъ свобода казалась тѣмъ же необъятнымъ счастьемъ какъ и для людей великой революціи, оставалась той же „Liberté chérie“, о которой пѣлось въ заученной съ дѣтства Марсальезѣ.

Съ первыхъ же лѣтъ реставраціи движеніе среди образованныхъ классовъ во Франціи принимаетъ характеръ почти непрерывной тайной агитаціи, вербующей свои силы главнымъ образомъ среди студенчества. Учащаяся молодежь массами вступаетъ въ тайныя общества, агитируетъ среди низшихъ классовъ городского населенія и строитъ заговоры съ цѣлью низверженія Бурбоновъ. Этой цѣли сочувствуетъ крайняя фракція либеральнаго общества и одно время, въ виду нѣкотораго успѣха карбонаризма среди военныхъ (народныхъ возстаній общество боится), начинаетъ даже шептаться съ вожаками заговорщиковъ. Но заговоры открываются, революціонеры идутъ на эшафоты, въ тюрьмы и въ эмиграцію. Легальное общество не дѣлаетъ ни шагу, чтобы защитить своихъ дѣтей, оно притихаетъ наоборотъ, тѣмъ болѣе, что одновременно съ усиленіемъ арестовъ въ средѣ революціонеровъ усиливаются обыкновенно стѣсненія либеральной прессы и всѣхъ прочихъ легальныхъ органовъ проявленія общественнаго мнѣнія. Но нелегальное движеніе не останавливалось, тайныя общества продолжали существовать, вербуя на мѣсто выбывшихъ членовъ новыхъ изъ среды молодежи.

Какъ велика была сила этого движенія и въ чемъ именно она заключалась, показала Июльская революція.

Читатели знаютъ (хотя бы изъ брошюры Чернышевскаго: „Борьба партій во Франціи“), какъ велъ себя представители либеральной буржуазіи при попыткѣ понавшаго въ руки ультрароялистовъ правительства, уничтожить ихъ любезную конституцію.

Если бы въ эту пору вся образованная буржуазія была единодушна, вся цѣликомъ боялась народныхъ волненій, и въ своемъ сопротивленіи не шла дальше хотя бы самыхъ единодушныхъ словесныхъ и письменныхъ протестовъ, государственный переворотъ 26 Іюля 1830 года имѣлъ бы всѣ шансы на такой же благополучный исходъ, какъ и случившееся 20 лѣтъ спустя 2-ое декабрь.

Но на счастье либеральной буржуазіи въ тридцатомъ году въ ея средѣ были люди, совершенно расхолодившіеся съ нею и въ ея желаніяхъ и въ настроеніи. Они давно добивались низверженія Бурбоновъ, не обращая вниманія на то, выполняютъ или нарушаютъ они хартію и стремились къ республикѣ, которой боялась буржуазія. Они съ энтузіазмомъ вспоминали о Робеспьерѣ и Маратѣ, при одномъ имени которыхъ у буржуазіи подиралъ морозъ по кожѣ. Въ ихъ глазахъ рабочій классъ былъ не дикой невѣжественной массой, а наиболѣе близкой къ нимъ и наиболѣе доступной ихъ вліянію частью того „верховнаго народа“, поправныя права котораго должна возстановить республика. Во имя этой республики они могли обратиться къ рабочему классу, могли призвать его къ оружію и заразить своимъ настроеніемъ.

Они это и сдѣлали, схватившись за нарушение конституціи, протестъ журналистовъ и отчаяніе всей оппозиціонной буржуазіи, какъ за желанный поводъ начать возстаніе, но во время борьбы замѣнили лозунгъ буржуазіи „да здравствуетъ хартія!“ своимъ: „долой Бурбоновъ!“, амѣстамп: „да здравствуетъ республика!“.

Студенты организовали битву, предводительствовали на всѣхъ опасныхъ мѣстахъ, на всѣхъ баррикадахъ.

Солидные и зажиточные элементы буржуазіи способствовали успѣху возставія лишь своимъ сочувственнымъ нейтралитетомъ и полнѣйшимъ отсутствіемъ активной преданности правительству; но этой пассивной поддержки было вполне достаточно, чтобы ослабить вначалѣ, а подъ конецъ совершенно парализовать энергію войскъ, пытавшихся подавить возстаніе.

За то послѣ побѣды робкіе представители либеральной буржуазіи обнаружили пожирющую дѣятельность, и не успѣли оглянуться борцы, какъ на престолѣ засѣдалъ уже Луи Филиппъ, а съ нимъ вмѣстѣ и крупная буржуазія. Она оттѣснила на задній планъ дворянство, уничтожила наследственность званія пэровъ, увеличила число избирателей до 200,000 и проч.

Революціонеры-республиканцы отнеслись конечно, весьма равнодушно ко всѣмъ этимъ реформамъ и, пользуясь невозможностью для выросшаго изъ баррикадъ, правительства, начать съ прслѣдованія „Іюльскихъ героев“, они тотчасъ же повели самую усердную республиканскую агитацію.

Республика оставалась еще в этот момент идеалом революционеров. „Объявление правъ человека“ — ихъ катехизисомъ; но всѣ индивидуальныя права и формальныя свободы доживали уже, в качествѣ революціоннаго идеала общаго счастья, свои послѣдніе дни.

Рядомъ съ усиленной республиканскою пропагандой та же сравнительная свобода медовыхъ мѣсяцевъ Іюльской монархіи вызвала и широкое распространеніе уже раньше выработанныхъ теорій великихъ утопистовъ.

Во всемъ своемъ объемѣ ученіе С. Сيمона и Фурье не могли имѣть большого успѣха среди республиканцевъ. Уже одно свойственное этимъ ученіямъ отрицаніе революціонной борьбы и всякаго насилія дѣйствовало отталкивающимъ образомъ на молодежь, среди которой именно в это время была особенно сильна поэзія борьбы и подвиговъ. Но отрицательная сторона ученія утопистовъ, ихъ критика сложившихся при свободѣ промышленности новыхъ экономическихъ отношеній, разрушила въ цѣлой массѣ живыхъ, идущихъ впередъ умовъ „трехцвѣтный либерализмъ“, и въ немъ выразился Герценъ, отправившійся съ товарищами в первую ссылку, между прочимъ, „за вредное ученіе С. Симона.“

А факты промышленной жизни сами представляли слишкомъ неотразимые аргументы противъ обойденныхъ исторіей идеаловъ.

Лионское возстаніе 1831 года приковало на время къ этимъ фактамъ всеобщее вниманіе и представило такъ сказать громадную иллюстрацію къ критикѣ утопистовъ.

Лионскіе ткачи шелковыхъ матерій требовали и добились отъ префекта установленія обязательнаго для фабрикантовъ тарифа поштучной платы, быстрое пониженіе которой вызывало в ихъ средѣ страшныя бѣдствія. Либеральное министерство осудило дѣйствія префекта, какъ несогласныя съ принципомъ свободы промышленности. Фабриканты немедленно воспользовались этимъ либерализмомъ для нарушенія тарифа, на который прежде соглашались. Тогда доведенные до отчаянія 30,000 ткачей возстали подъ знаменемъ съ кранорѣзчивой надписью: „жить работая или умереть сражаясь!“

Они пытались такимъ образомъ противопоставить одной изъ святѣйшихъ свободъ республиканскаго идеала, одному изъ краеугольныхъ „правъ гражданина“ — свободѣ контрактовъ, свое право „жить работая“. Это невольно наводило на размышленія и подрывало вѣру в достаточность формальной свободы для счастья людей, неимѣющихъ собственности.

Подъ соединеннымъ вліяніемъ жизни и выясняющей ее теоріи старыя идеалы постепенно теряютъ въ 30-хъ годахъ свое революціонное значеніе. Въ большой республиканской партіи, объединенной в полу-тайное „Общество правъ человека“ началась борьба мѣтній и „чистые“ или „либеральные“ республиканцы образовали в ней правое умѣренное крыло. Остальные, держась по прежнему за традиціи великой революціи, стали обращать преимущественное вниманіе на ту сторону этихъ традицій, которая говорила о борьбѣ бѣдныхъ противъ богатыхъ, зачатковъ будущаго пролетаріата противъ крупной буржуазіи. Они припомнили различныя мѣры Якобинцевъ: насильствен-

ные займы, конфискации, преслѣдованія ростовщиковъ и скупщиковъ хлѣба и проч.—мѣры сильно грѣшившія противъ принципа собственности. Въ робеспьеровскомъ проэктѣ „объявленія правъ человѣка“ — отмѣтили въ особенности тотъ пунктъ, который опредѣлялъ право собственности, какъ право гражданина располагать тою частью имущества, какую *гарантируетъ* ему законъ. Изъ этого опредѣленія выводили обязанность законодателя регулировать право собственности, принимать мѣры противъ развитія имущественнаго неравенства.

„Демократы“ или „Монтаньяры“—какъ начала называть себя болѣе революціонная часть республиканской партіи—пришли, въ противоположность чистымъ республиканцамъ и всей либеральной буржуазіи того времени, къ убѣжденію въ необходимости сильнаго правительства, опирающагося на народныя массы и употребляющаго свою власть на защиту этихъ массъ противъ аристократіи богатства.

Усиленіе такихъ тенденцій возмущало либеральныхъ республиканцевъ, которые начали, наоборотъ, особенно сильно подчеркивать принципъ невмѣшательства государственной власти въ экономическую жизнь страны.

Окончательному удаленію чистыхъ республиканцевъ изъ революціоннаго движенія помогла правительственная реакція, положившая конецъ открытому существованію республиканской партіи. Строгіе законы противъ тайныхъ обществъ, передача важныхъ политическихъ преступленій исключительному трибуналу реакціонной палаты пэровъ и законы противъ прессы, принятые подъ впечатлѣніемъ втораго покушенія на жизнь короля, прекратили шумную, открытую агитацію путемъ прессы и уличныхъ демонстрацій и заставили революціонное движеніе снова обратиться къ строго организованнымъ тайнымъ обществамъ и заговорамъ.

Въ этомъ движеніи чистые республиканцы уже не участвовали. Они постепенно соединились съ „обществомъ“, стали людьми практичными и благоразумными. Они говорили тѣ же слова, но ограничивали ихъ смыслъ: къ „свободѣ“ прибавили „порядокъ“, а „равенство“ свели къ строго опредѣленному понятію равенства предъ закономъ. Литературный органъ этой партіи, „National“, началъ все болѣе и болѣе сближаться въ своихъ воззрѣніяхъ съ либеральной монархической оппозиціей. Вся разница между нимъ и взглядами этой оппозиціи свелась наконецъ къ тому, что либеральные монархисты хотѣли трона обставленнаго республиканскими учрежденіями, а республиканцы Националя тѣхъ же учрежденій безъ трона.

Въ сороковыхъ годахъ чистые республиканцы стали уже сознательными представителями интересовъ средней буржуазіи и, попавши въ 48-омъ году въ правительство второй республики, они защищали именно эти интересы, окрестивши ихъ, впрочемъ, болѣе общими и почетными названіями интересовъ „порядка“, „цивилизациі“ и даже „свободы“. Ради этихъ интересовъ они сознательно и безпощадно обманывали рабочихъ, подписавши декретъ, въ которомъ отъ имени республики „гарантировали рабочимъ существованіе посредствомъ труда“, не имѣя ни малѣйшаго намѣренія дѣлать что бы то ни было для выполнения этой гарантіи. Они обманывали ихъ, заводя „національныя

мастерскія“, съ цѣлью среди самихъ рабочихъ на вербовать армію противъ ихъ передовыхъ товарищей-соціалистовъ и когда это не удалось, съ свирѣпой жестокостью усмиряли возстаніе, вызванное ихъ же предательскими мѣрами.

Такимъ образомъ, буржуа-республиканцы, бывшіе еще въ 30 - омъ году революціонной партіей, въ 48 - омъ — обманывали рабочихъ. Но изъ этого ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, что бы *революціонеры* были когда нибудь сознательными обманщиками. Когда республиканцы были революціонерами, когда, рискуя свободой и жизнью, они обращались къ рабочимъ и вмѣстѣ съ нимъ участвовали въ заговорахъ, являлись предъ судами и на баррикадахъ, тогда они честно относились къ своимъ товарищамъ и искренно звали ихъ на борьбу за общее счастье. Въ то время они оказывали услугу рабочимъ, возбуждая въ ихъ средѣ умственное движеніе, заставляя эту среду заинтересовываться тѣми идеями, тѣми общими интересами, которыми были сами увлечены. Въ то время республиканцы еще сами не знали, что ихъ либеральная республика не можетъ существовать безъ полуголоднаго пролетаріата, а какъ только они поняли это, какъ только распрощались съ „хищерами“ общаго счастья и дѣйствительнаго равенства, они перестали быть революціонерами, перестали принимать участіе въ опасной революціонной дѣятельности, на почвѣ которой происходило сближеніе между рабочими и революціонной интеллигенціей.

Когда либеральные республиканцы начали сознательно обманывать рабочихъ, они были уже представителями не революціонной, а консервативной буржуазіи.

III

Сильно порѣдѣвшіе во второй половинѣ 30-хъ годовъ остатки революціонной интеллигенціи сгруппировались въ различные оттѣнки демократическаго направленія, пытавшася лѣчить расшатанный республиканскій идеалъ различными палліативными средствами: придумываніемъ такихъ мѣръ противъ богачей, которые привели бы къ имущественному равенству при сохраненіи частной собственности.

Самые крайніе элементы революціонной интеллигенціи, вмѣстѣ съ огромнымъ большинствомъ, участвовавшихъ въ движеніи рабочихъ, пришли къ отрицанію самаго принципа частной собственности, припомнивъ революціонный коммунизмъ Бабефа, сохранявшійся въ предыдущемъ періодѣ лишь среди небольшого числа его послѣдователей.

Въ эту же пору, во второй половинѣ 30-хъ годовъ, измѣнилось и отношеніе рабочихъ къ активному революціонному движенію, — ихъ положеніе въ тайныхъ обществахъ и заговорахъ.

Среди карбонаровъ временъ реставраціи, также какъ и въ республиканскихъ обществахъ первыхъ лѣтъ Іюльской монархіи, большинство членовъ составляли революціонеры изъ буржуазной среды.

Они дѣйствовали на рабочихъ, вели ихъ за собою, только на нихъ и рассчитывали, но вездѣ и во всемъ оставляли за собою инициативу, главныя роли, направленіе.

Организованное въ 1836 — 37 году Бланки и Барбесомъ новое революціонное общество, окруженное строжайшей тайной по образцу карбонаровъ, тоже вербуетъ сперва своихъ членовъ главнымъ образомъ изъ среды образованной молодежи, но быстрый наплывъ въ общество рабочихъ скоро перевѣшиваетъ въ немъ студенчество и черезъ 2 — 3 года громадное большинство членовъ состоитъ уже изъ рабочихъ.

Въ тайныхъ обществахъ сороковыхъ годовъ образованное меньшинство теряетъ постепенно и свое значеніе руководящаго элемента.

Рабочіе сами ведутъ пропаганду въ мастерскихъ и харчевняхъ, сами пишутъ и печатаютъ въ тайныхъ типографіяхъ листки и журналы, запасаютъ оружіе, порохъ и пули для возстанія, къ которому постоянно готовятся. Они находятся въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ тайными обществами другихъ городовъ, въ особенности Ліона, гдѣ почти исключительно рабочее, революціонное движеніе было гораздо сильнѣе чѣмъ въ самомъ Парижѣ.

И не только относительно къ числу рабочихъ, но и абсолютно число революціонеровъ изъ буржуазіи, съ половины 30 - хъ годовъ, начало сильно уменьшаться. Болѣе умѣренные отѣнки демократовъ одни за другими удалялись отъ движенія. Наплывъ новыхъ членовъ изъ среды студенчества становился все меньше и меньше.

Буржуазія была въ общемъ довольна правительствомъ Іюльской монархіи. Напряженное состояніе, въ которомъ жило образованное общество при реставраціи, продолжавшее еще отзываться въ первые годы новаго царствованія, постепенно улеглось и буржуазная среда уже не окружала свою учащуюся молодежь той атмосферой, которая толкала ее прежде въ революцію.

Начавшаяся къ концу сороковыхъ годовъ ссора между министерствомъ Гизо и либеральнымъ обществомъ изъ за избирательной реформы была недостаточно глубока и радикальна, чтобы возобновить эту атмосферу. Серьезными революціонерами, способными на самопожертвованіе остались во Франціи уже одни рабочіе, да отдѣльныя личности изъ образованныхъ классовъ, совершенно слившіяся съ этимъ рабочимъ движеніемъ.

Іюньскіе дни, когда рабочіе въ первый разъ увидѣли во вражьихъ рядахъ студенческіе мундиры, вырыли никогда уже не закрывавшуюся вполнѣ пропасть между радикальной буржуазіей и рабочими.

Съ тѣхъ поръ движеніе среди послѣднихъ утихало, разгоралось, затопленное въ крови снова уходило съ публичной арены въ глубь мастерскихъ и постепенно опять начинало проявляться; но оно уже не зависѣло отъ настроенія интеллигенціи, ни мало не подчинялось идеямъ и теоріямъ этой послѣдней.

Съ тѣхъ поръ французскіе рабочіе не разъ увлекались той или другой личностью изъ буржуазіи. И Гамбетта и Рошфоръ и многіе другіе становились на минуту ихъ идолами, но для того, чтобы приобрѣтать рукоплесканія толпы этимъ идоламъ приходилось повто-

рять ея любимыя слова, не увлекать ея своими идеями, а красно-рѣчиво излагать тѣ мысли, которыя слушатели уже принесли съ собою. Какъ только идола проговаривались, вносили свои нотки въ ту музыку, которую желали слушать ихъ обожатели, эти послѣдніе тотчасъ отвергивались отъ нихъ и искали себѣ другихъ выразителей.

Принимать видъ руководителей рабочаго класса люди изъ буржуазіи могли лишь настолько, насколько соглашались безпрекословно слѣдовать за нимъ.

IV

Французская революціонная молодежь, начавшая дѣйствовать во время реставраціи, уже появилась на свѣтъ съ знаніемъ, гдѣ находится ея революціонная армія. Съ другой стороны и у парижскихъ предмѣстевъ остались отъ первой республики, если не опредѣленные революціонные идеалы, то по крайней мѣрѣ любимыя лозунги и представленіе о своей силѣ.

Въ другомъ положеніи была образованная молодежь Германіи, среди которой, почти одновременно, тоже началось неопредѣленное революціонное броженіе. Рабочіе Германіи еще ничѣмъ не заявили въ то время своей революціонности. Здѣсь не было и того общаго недовольства всѣхъ непривилегированныхъ классовъ, которое существовало во Франціи передъ великой революціей. Сравнительно отсталая промышленная жизнь Германіи не такъ рвалась еще изъ старыхъ рамокъ. Къ тому же наиболѣе кричащія, всѣхъ и cadaго царапающія, неурядицы стараго строя были уже отмѣнены еще во время наполеоновскихъ войнъ и гражданскія реформы продолжались въ Германіи и при реставраціи, не смотря на страшную политическую реакцію.

Недовольно и взволновано было только нѣмецкое образованное общество.

„Вся Германія, говоритъ Гейне о концѣ XVIII-го вѣка, спала тогда свинцовымъ сномъ и только въ ея литературномъ мѣрѣ замѣчалось самое усиленное кипѣніе,.. Когда въ Парижѣ волновалось море революціи, ему вторила буря въ сердцахъ нѣмецкихъ писателей“. *)

Если въ концѣ втораго десятилѣтія XIX-го в. сонъ Германіи уже не былъ такимъ свинцовымъ, она все же еще дремала, но число сердецъ, бившихся отъ общихъ, не личныхъ вопросовъ, въ ней сильно увеличилось. Литературный мѣръ Германіи пережилъ за 30 лѣтъ, прошедшихъ съ того момента, о которомъ говоритъ Гейне, не мало превращеній; пережилъ и обожаніе древней Германіи, связанное съ реакціей противъ всего французскаго, но все время онъ не переставалъ жить самой усиленной умственной жизнью и создалъ довольно широкій кругъ читателей.

*) Uber Deutschland

Полное отсутствіе политической свободы, давшее себя почувствовать во всей силѣ именно послѣ избавленія отъ галловъ, противъ которыхъ такъ кричало образованное общество, возбуждало въ его средѣ усиленное недовольство и броженіе. Это броженіе, какъ и всякое подобное броженіе образованнаго общества, сосредоточивалось въ безконечно усиленной степени въ средѣ учащейся молодежи. Недовольство солидныхъ, либеральныхъ людей сказывалось въ жалобахъ на зло и въ похвалахъ добру. Молодежь подъ вліяніемъ этихъ жалобъ и похвалъ почувствовала себя обязанной бороться со зломъ и осуществить добро. Этому впрочемъ способствовали и любимые учителя изъ старшаго поколѣнія. На юношество возлагалъ всѣ надежды умершій въ 1814 году Фихте. Онъ говорилъ, что современное ему „погрязшее въ эгоизмѣ поколѣніе должно сойти со сцены прежде чѣмъ наступитъ время свободы“, и старался подготовить юношество къ предстоящей великой задачѣ, внушить ему сознаніе его будущаго значенія. И учащаяся молодежь прониклась той, мыслью, что ней лежитъ обязанность возродить Германію.

Ея представленія о томъ, въ чемъ именно должно заключаться это возрожденіе, были не особенно опредѣленны. Прежде всего конечно въ свободѣ, затѣмъ въ добродѣтели, которою должны проникнуться высшіе классы. Народу этого не нужно, такъ какъ въ немъ живетъ древне-германскій духъ, полный добродѣтели. Съ этимъ духомъ, нарисованнымъ немножко по Тацитѣ, главнымъ уже образомъ по романтической литературѣ, поэтизированной германскія преданія средних вѣковъ, очень носились нѣмецкіе юноши. Въ народѣ, предполагалось, этотъ древній, свободный, великій, добродѣтельный духъ совершенно цѣль и лишь сдавленъ виѣшнимъ гнетомъ. Стоитъ снять съ народа гнетъ, да возродить къ добродѣтели испорченные иностраннымъ вліяніемъ высшіе и даже вообще городскіе классы и тогда лучше, выше, счастливѣе единой Германіи нельзя будетъ ничего себя представить. И все это совершить—освободить и возродить—взяла на себя молодежь.

Состояніе учащейся молодежи въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ Россіи сильно напоминаетъ этотъ первый моментъ нѣмецкаго движенія. Слова, понятія—были другія. Нѣмецкій буршъ писалъ стихи, увлекался философійю, былъ даже на свой манеръ религіозенъ и очень любилъ Христа, видя въ немъ, впрочемъ, исключительно чловѣка, пожертвовавшаго жизнью за свои убѣжденія. „*Mein Christus sollst du werden*“, говорилось въ одномъ очень распространенномъ въ средѣ молодежи стихотвореніи, найденномъ также у Занда, убившаго Коцебу, что означало: „ты долженъ умереть за свои убѣжденія“.

Слова—были различны. Но выдѣленіе „молодаго поколѣнія“ въ особый лагерь, къ которому причислялись лишь любимые профессора и писатели и противопоставленіе этого молодого лагеря всему остальному старшему поколѣнію „филистеровъ“ (у насъ ретроградовъ), съ которыми предстояло вести борьбу; это еще неопредѣленно-революціонное, по страшно возбужденное настроеніе молодежи, которое—какъ въ Германіи, такъ и у насъ—должно было неминуемо привести ее къ столкновенію съ правительствомъ—чрезвычайно аналогично.

Столкновеніе началось съ Вартбургскаго праздника, на которомъ представители студентескихъ корпорацій всѣхъ университетовъ заявили свою вражду къ филистерству сожженіемъ произведеній нѣкоторыхъ реакціонныхъ писателей. Правительство отвѣтило преслѣдованіями студентовъ и любимыхъ профессоровъ. Настроеніе молодежи обострилось. Изъ общаго, открытаго студенческаго союза, начали выдѣляться тайныя общества по образцу французскихъ Карбонаровъ. Къ неопредѣленнымъ, сводившимся больше къ выраженіямъ порицанія и одобренія, средствамъ борьбы тайныя общества прибавили опредѣленное: политическія убійства.

Первое—убійство Коцебу, реакціоннаго писателя, находившагося на жалованьи у русскаго правительства и вызывавшаго—нѣмецкія на преслѣдованія университетовъ и литературы, возбудило сочувствіе въ широкихъ слояхъ образованнаго общества. Прусская полиція, занимавшая усерднѣйшимъ чтеніемъ частной корреспонденціи, наткнулась на сочувственные отзывы о Зандѣ въ письмахъ докторовъ, юристовъ, даже пасторовъ. Но вскорѣ преслѣдовавшее второе политическое убійство прошло уже сравнительно незамѣченнымъ.

Состороны нѣмецкихъ правительствъ эти убійства вызвали цѣлый рядъ преслѣдованій. Арестовывали массы, слѣдствія тянулись безъ конца.

Начатое въ 1819 году послѣ убійства Коцебу разслѣдованіе окончилось лишь въ 29-мъ. Одного вступленія въ тайное общество, безъ всякихъ иныхъ преступленій, для Прусскаго правительства было достаточно, чтобы приговорить десятки арестованныхъ въ 23-емъ году студентовъ къ 15-и годамъ заключенія въ крѣпости.

На юношей заговорщиковъ направлено было все вниманіе правительствъ, о нихъ съѣзжались совѣщаться государи „Священнаго Союза“. Противъ нихъ изданы были Карльсбадскія постановленія, введенія цензуры, ограничившія права университетовъ и отдавшія ихъ цѣлкомъ подъ надзоръ полиціи.

Нѣмецкое общество втихомолку огорчалось и негодовало, но безмолствовало. Молодежь продолжала волноваться, но около 15-ти лѣтъ движеніе вертѣлось въ безвыходномъ кругу, не наталкиваясь на дѣятельность, при которой его силы могли бы постоянно расти. Революціонеры мечтали о крестьянскихъ возстаніяхъ (революціоннымъ в споминаніемъ нѣмецкой исторіи были крестьянскія войны, какъ у насъ бунты Разина и Пугачева), о военныхъ переворотахъ, надежды на которые были возбуждены удачными прононсіаменто въ Испаніи и Италіи 20-го и 21-го годовъ, но всего больше надеждъ возлагалось на тирано-убійства, съ которыми при 33-хъ нѣмецкихъ тиранахъ предстояла большая работа.

Убійствъ, однако, не происходило, о нихъ только сговаривались. У нѣмецкой революціонной интеллигенціи не выработалось искусства жить „незаконно“ и дѣйствовать по нѣскольку лѣтъ на мѣстѣ, не смотря на розыски полиціи, — того искусства, благодаря которому у русской молодежи конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ оказались опытные руководители, создавшіе всю силу русскаго терроризма.

Намѣченный полиціей нѣмецкій революціонеръ принужденъ былъ эмигрировать или былъ арестованъ. Поэтому до половины 30-хъ го-

довъ движеніе почти не выходило за предѣлы учащейся молодежи. Послѣдовавшее въ первые годы Іюльской монархіи болѣе тѣсное сближеніе съ французской революціонной партіей вылѣчило нѣмецкихъ эмигрантовъ отъ ихъ самобытныхъ фантазій. вмѣстѣ съ французскими революціонерами они стали демократами, затѣмъ часть ихъ перешла къ коммунизму. Это быстро отозвалось и въ самой Германіи. Основанный въ 1833 году студентомъ Георгомъ Бюхнеромъ революціонный союзъ, названный имъ по образцу французскаго союза „Обществомъ правъ человѣка“ проповѣдывалъ уже крайне демократическіе, окрашенные коммунизмомъ взгляды. Но въ членахъ союза еще жило убѣжденіе, что въ земледѣльческой Германіи освободительная роль принадлежитъ земледѣльцамъ, и это убѣжденіе заставило ихъ обращаться со своей пропагандой главнымъ образомъ къ крестьянамъ и потерпѣть неудачу.

Однако, начатая въ то же время эмигрантами во Франціи и Швейцаріи пропаганда среди нѣмецкихъ рабочихъ, заходившихъ туда на заработки и затѣмъ возвращавшихся на родину, постепенно измѣнило весь характеръ и ходъ нѣмецкаго революціоннаго движенія.

Скоро число революціонеровъ изъ рабочихъ значительно перевѣсило, и за границей и въ Германіи, число революціонной интеллигенціи. Возвращаясь на родину, рабочіе, члены основанныхъ за границей тайныхъ революціонныхъ обществъ, уносили съ собой ихъ изданія и организовывали въ Германіи тайныя секціи. Время отъ времени полиція открывала эти секціи, ихъ членовъ держали подъ безконечными нѣмецкими слѣдствіями и приговаривали къ многолѣтнему заключенію. Но число вновь возникавшихъ секцій постоянно перевѣшивало исчезающія. При этомъ, чего не случалось съ заговорами, состоявшими исключительно изъ интеллигенціи, многимъ тайнымъ рабочимъ обществамъ удавалось просуществовать не открытыми по нѣсколькимъ лѣтъ и выработать опытныхъ и искусныхъ конспираторовъ, которымъ уже не такъ опасна была зоркость полиціи.

Въ сороковыхъ годахъ нѣмецкое революціонное движеніе, по преимуществу коммунистическое, является уже чисто рабочимъ движеніемъ. Интеллигенція поставляетъ этому движенію большинство его писателей и руководителей, но ей ужь больше и въ голову не приходитъ мечтать о достиженіи своихъ идеаловъ какими нибудь иными путями помимо рабочаго движенія. „Тогда (около 48-го г.), говоритъ Энгельсъ, приходилось собирать по одному рабочихъ, понимавшихъ свое положеніе и свою исторически-экономическую противоположность капиталу, такъ какъ сама эта противоположность еще только возникала.“ Ихъ приходилось собирать по одному, но коммунисты ихъ собирали насбирали не мало. Пониманіе своего положенія у рабочихъ вовлеченныхъ въ движеніе демократами было очень не полно, но и у нихъ впереди была великая цѣль, о которой они думали, для которой жили и дѣйствовали, и уже это одно поднимало ихъ высоко надъ ихъ прежнимъ состояніемъ и надъ всѣмъ остальнымъ, живущимъ лишь личными цѣлями, міромъ.

Когда во Франціи была учреждена вторая республика и у нѣмецкихъ правительствъ явилось предчувствіе, что и имъ не сдобровать, а все

либеральное и революціонное, все что желало измѣненія существовавшего режима, стало дѣлать усилія, чтобы оправдать доброе мнѣніе нѣмецкихъ государей о своихъ подданныхъ, — нѣмецкіе рабочіе, увлеченные своимъ передовымъ, мыслящимъ отрядомъ, явились освободительной арміей Германіи.

Мы не хотимъ сказать, что для нѣмецкой революціи 48-го года только и нужна была, что рабочая революціонная армія. Наоборотъ, для нея была совершенно необходима либеральная буржуазія. Необходима во первыхъ потому, что если бы она не суетилась, не путалась въ дѣло, не мѣшала правительству, оно боролось бы гораздо энергичнѣе и революціонныхъ силъ быть можетъ не хватило бы для того, чтобы одолѣть его. Хотя съ другой стороны, не стой за либералами рабочіе, правительство не обратило бы на ихъ суетню никакого вниманія.

Во вторыхъ, буржуазія была необходима, потому что только она и могла воспользоваться плодами борьбы, взять въ свои руки выпадавшее изъ рукъ правительства веденіе дѣлъ страны. И потому - то что въ общемъ она была въ Германіи, въ особенности въ Пруссіи, очень труслива, практична и благоразумна, а вслѣдъ за побѣдой съ нея быстро и навѣки соскочили всѣ остатки стараго идеализма, и свободолюбія, она и не удержала во всей полнотѣ завоеванныхъ революціонерами свободъ и правъ человѣка, а удержала лишь нѣкоторое участіе въ управленіи, кое какія конституціи.

Либеральная буржуазія была необходима для революціи. Но революціонеры изъ буржуазныхъ классовъ Германіи сдѣлали и могли сдѣлать для этой революціи только одно: подготовить къ ней рабочихъ, и сразаться вмѣстѣ съ ними. Только такую помощь они и могли оказать своимъ либеральнымъ отцамъ. Вліять на этихъ отцовъ было вовсе не ихъ дѣло, они и сами-то были именно порожденіемъ того идеализма и свободолюбія, которые накопились у стремившейся къ управленію общественными дѣлами буржуазіи. Она въ нихъ выражала свою энергію. Когда послѣ 48-го г. буржуазія отрезвилась, стала практичной и благоразумной—исчезла и революціонная молодежь. Когда въ 60-ныхъ годахъ рабочіе снова подняли движеніе, молодая интеллигенція въ немъ не участвовала, какъ не участвовала и вся масса революціонеровъ изъ буржуазіи, дѣйствовавшихъ въ 40-хъ годахъ. Лишь нѣсколько исключительныхъ личностей остались вѣрны революціонному пролетаріату и явились его незамѣнимыми вождями.

Но какъ ни печально закончился революціонный годъ Германіи, онъ, вмѣстѣ съ предшествовавшимъ ему періодомъ, сдѣлалъ очень много для нѣмецкихъ рабочихъ.

За это время рабочій классъ Германіи успѣлъ пройти первый курсъ той школы, окочаніемъ которой будетъ его полное и всестороннее освобожденіе.

V.

Для тѣхъ изъ нашихъ читателей, которымъ кажется, что на Западѣ пропаганда социализма возможна потому, что тамъ рабочіе развиты и принимаютъ участіе въ политической жизни, а у насъ невозможна потому, что наши не развиты и не принимаютъ, — для думающихъ такъ читателей не безынтересно будетъ мнѣніе Георга Адлера, написавшаго исторію этого перваго фазиса рабочаго движенія въ Германіи.

Адлеръ противникъ социализма. Современное социаль-демократическое движеніе въ Германіи онъ считаетъ „безусловно преступнымъ“, „совершенно непростительнымъ“. Онъ думаетъ, что улучшенія въ положеніи рабочаго класса необходимы, но они должны дѣлаться мирнымъ путемъ постепенныхъ реформъ, постепеннаго рѣшенія назрѣвшихъ вопросовъ.

Но „исторія убѣдила“ Адлера, что по собственной инициативѣ имущіе классы ничего не сдѣлаютъ для рабочихъ. Что для осуществленія самаго что ни на есть постепеннаго улучшенія необходимо самостоятельное движеніе въ рабочемъ классѣ, а для такого движенія необходимо умственное пробужденіе этаго класса, необходимъ интересъ къ общимъ вопросамъ. Разбудить же рабочій классъ, вызвать въ его средѣ умственное движеніе могли, по мнѣнію Адлера, только революціонныя теоріи. Поэтому, хотя „Союзъ коммунистовъ“ проповѣдовалъ точь въ точь то же, что и современные, осуждаемые имъ, социаль-демократы, хотя вообще въ сороковыхъ годахъ среди рабочихъ были распространены самыя крайнія теоріи, Адлеръ находить тѣмъ не менѣе, что революціонный социализмъ сороковыхъ годовъ не только заслуживаетъ снисхожденія, но былъ благотѣльнымъ необходимымъ явленіемъ... „Или можно въ самомъ дѣлѣ думать, говорить онъ, что массы пришли бы въ движеніе, если бы не видѣли предъ собой громадной (gewaltig-grosses) цѣли?“. Представьте себѣ положеніе

*) Стр. 293. Читая эту страницу, можно подумать, что Адлеръ въ 85 г. предугадалъ, что будетъ писать г. Вас. Жукъ въ своей, вышедшей въ 88 г. статьѣ 1-го №-ра „С. Р.“ и возражаетъ именно на его вылазку противъ „группъ“, ставящихъ своей задачей вовлеченіе въ движеніе русскаго рабочаго, а также на его намѣреніе поднять „умственный и нравственный уровень рабочихъ“ посредствомъ грамоты, и „путемъ мирной и чисто культурной, а не революціонной дѣятельности, подготовить рабочую и крестьянскую массу къ сознательному воспріятію идей политической свободы“. Не „поднять“ былъ въ сороковыхъ годахъ „умственный уровень“ и у нѣмецкихъ рабочихъ и никакая политическая жизнь не „расширяла ихъ кругозоръ“. Но охваченные дѣйствіемъ „чисто революціонной“ пропаганды, они въ своихъ обществахъ страстно учились и учили другъ друга аже такимъ элементарнымъ вещамъ, какъ искусству писать и считать и для того одного, чтобы измученный трудомъ рабочій сталъ тратить на это свои короткіе досуги, уже нуженъ энтузіазмъ, нужно одушевленіе, которое можетъ дать ему лишь революціонное сознаніе его великаго будущаго. А безъ такого сознанія не поможетъ ему и пройденное въ школѣ „Родное слово“. А ужъ объ „нравственной-то крѣпости, которая дается образованіемъ“ лучше бы не говорить. Полно, такъ ли ужъ высокъ „нравственный уровень“ имущихъ классовъ? А вѣдь въ нихъ вдавливаютъ въ школахъ не одно „Родное слово“ а элементы всѣхъ возможныхъ наукъ.

низшихъ классовъ, еще не проникнутыхъ умственнымъ движеніемъ. Ихъ можно было привести въ движеніе противъ старыхъ преданій, лишь давши имъ великую надежду вродѣ всеосчастливливающаго социальнаго государства. Чтобы они стряхнули съ себя летаргію, было поэтому необходимо обѣщать имъ полное уничтоженіе ихъ страданій“. Никакія другія воззрѣнія, утверждаетъ Адлеръ, не нашли бы отзвука въ сердцахъ низшихъ классовъ“. Ни за какія другія идеи изъ его рядовъ не вышло бы „апостоловъ“... „отдававшихъ за нихъ всю жизнь, терпѣвшихъ за нихъ всевозможныя страданія и лишенія. А для того чтобы социально-реформаторскія идеи охватили народъ, необходимы были сотни за сотнями (Hunderte und aber Hunderte)“ такихъ одушевленныхъ апостоловъ.

Теперь, когда „апостолы“ уже сдѣлали свое дѣло, когда социализму удалось уже возбудить умственное движеніе среди рабочихъ и сдѣлать ихъ такимъ образомъ способными принимать участіе въ общественной жизни страны, рабочіе обязаны, по мнѣнію Адлера, отказаться отъ своихъ социалистическихъ теорій, говорящихъ объ уничтоженіи частнаго капитала, обратить все свое вниманіе лишь на такія постепенныя реформы, къ которымъ можно склонить имущіе классы, а не стремиться все къ той же „громадной цѣли“, какъ это дѣлаютъ социаль-демократы, раздражая такимъ поведеніемъ буржуазію. „Свободная Россія“*) пытается, впрочемъ, увѣрить русскихъ читателей, что западныя рабочіе *уже* прониклись рекомендуемой Адлеромъ умѣренностью и акуратностью, но она ошибается, конечно, какъ ошибается и Адлеръ, воображая, что *мыслящій пролетарій* можетъ не быть социаль-демократомъ. Научный социализмъ есть именно его идея, объясненіе его положенія, его неизбѣжной борьбы и ея возможнаго исхода. По пути, онъ не отказывался и не откажется добиваться всѣхъ тѣхъ законодательныхъ мѣръ, которыя облегчаютъ его дальнѣйшую борьбу. Но ни при какихъ мѣрахъ, ни въ какомъ случаѣ пролетаріатъ не можетъ перестать стремиться къ уничтоженію основаннаго на частной собственности строя, потому что самъ является продуктомъ разложенія этого строя.

При устойчивомъ, не разлагающемся экономическомъ строѣ есть конечно бѣдныя, но положеніе этихъ бѣдняковъ, ихъ бѣдныя средства къ существованію обезпечены и закрѣплены за ними закономъ и обычаемъ. Нищій въ средневѣковомъ городѣ и тотъ имѣлъ свое общественное положеніе: свой кругъ давальцевъ, свое мѣсто на паперти. Въ не разлагающемся строѣ людей лишаетъ средствъ къ существованію то или другое насиліе или нарушеніе обычнаго хода вещей: война, грабежъ, пожаръ, неурожай, наводненіе. Въ устойчивой средневѣковой Европѣ всѣ такія несчастія случались гораздо чаще чѣмъ теперь, но едва проносилась гроза, все опять стремилось прійти въ прежнее положеніе и приходило въ той или другой степени, такъ какъ сама экономическая основа всего строя была сравнительно уравновѣшена.

*) № 2. „Очерки социальнаго движенія“.

Въ современномъ разлагающемся строѣ число людей, лишенныхъ всякой собственности, постоянно растетъ, а ихъ положеніе роковымъ образомъ ухудшается не при насиліяхъ или нарушеніяхъ обычнаго хода вещей, а при самомъ нормальномъ, спокойномъ ихъ теченіи; не вслѣдствіе общественныхъ несчастій, а вслѣдствіе общественнаго прогресса. То или другое научное открытіе или новое изобрѣтеніе можетъ производить въ этомъ строѣ опустошенія, превосходящія по числу жертвъ самыя ужасныя пожары, самыя обширныя наводненія. Почти каждое промышленное усовершенствованіе стремится или отнять заработокъ у возможно большаго числа пролетаріевъ, или увеличить ихъ массу посредствомъ раззоренія ремесленниковъ и крестьянъ. И никакіе законы, никакія реформы не могутъ предотвратить такихъ послѣдствій нормальнаго развитія промышленности—ничто не можетъ помочь пролетарію, кромѣ уничтоженія частной собственности. Онъ является такимъ образомъ революціонеромъ по самой сущности своего положенія.

Въ самомъ началѣ своей революціонной исторіи онъ боролся подъ предводительствомъ буржуазной интеллигенціи за свободу и равенство. Когда, осуществляясь въ основанномъ на экономическомъ неравенствѣ строѣ, свобода свелась къ правительству буржуазіи, а равенство къ уничтоженію сословныхъ привилегій, участвовавшей въ движеніи пролетаріатъ, вмѣстѣ съ меньшинствомъ революціонеровъ изъ буржуазной среды перешелъ къ коммунизму. Но этотъ первоначальный коммунизмъ сохранилъ отъ прежней политической борьбы всю, такъ сказать, техническую сторону своей программы. Какъ замѣна одного правительства другимъ достигалась сразу однимъ возстаніемъ, также, предполагалось, можетъ въ каждую данную минуту быть осуществленъ и коммунизмъ, если только коммунисты захватятъ власть послѣ побѣдоноснаго возстанія. Лишь предъ концемъ историческаго періода, отмѣченнаго революціоннымъ броженіемъ въ средѣ буржуазіи, началъ распространяться новый коммунизмъ, по ученію котораго торжество социальной революціи неизбежно, такъ какъ къ нему ведетъ прогрессъ капиталистическаго производства. Но эта революція не совершается однимъ ударомъ, однимъ возстаніемъ, а является цѣлымъ, болѣе или менѣе продолжительнымъ *) процессомъ, въ теченіе котораго растетъ, воспитывается и организуется пролетаріатъ, участвуя въ каждой прогрессивной борьбѣ: вмѣстѣ съ буржуазіей противъ абсолютизма, съ мелкой буржуазіей противъ крупной, но оставаясь до времени оппозиціонной, а не господствующей партіей, такъ какъ для социалистовъ преждевременный захватъ власти, пока еще значительная часть даже самаго пролетаріата остается неорганизованной, былъ бы не побѣдой, а отсрочкой ихъ окончательнаго торжества.

Теперь такое пониманіе социалистической революціи стало ученіемъ всего развитаго, мыслящаго революціоннаго пролетаріата.

Въ его движеніи буржуазная интеллигенція давно уже не участ-

*) Ни въ какомъ случаѣ не требующимъ, однако, ни тысячелѣтій, ни столѣтій; за это ручается намъ и быстрый ходъ промышленнаго прогресса, и быстрые успѣхи организаціи пролетаріата.

вуетъ. На сотни тысячъ социалистовъ рабочихъ едва наберется десятковъ, принадлежащихъ по рожденію къ буржуазіи. Эта послѣдняя удовлетворена, консервативна и можетъ поэтому такъ воспитывать свои молодыя поколѣнія, что имъ не приходятъ уже въ голову никакія идеи. Но пока буржуазія выдѣляла изъ своей среды революціонеровъ, они никогда не защищали ея программъ, не являлись въ своемъ сознаніи борцами за ея интересы. Да и не могли являться. Чтобы имѣть одушевляющую силу, необходимую для опасной, самоотверженной борьбы, революціонныя программы должны давать своимъ сторонникамъ право чувствовать себя представителями интересовъ всѣхъ угнетенныхъ и обездоленныхъ и не частныхъ, минутныхъ ихъ интересовъ, а общихъ, великихъ интересовъ ихъ будущаго. Ближайшимъ послѣдствіемъ всей дѣятельности революціонной интеллигенціи было лишь торжество буржуазіи, но въ то же время она оказала народу ту именно услугу, какая была нужна ему, разбудивши мысль передовыхъ кружковъ рабочаго класса и помогая рабочимъ при первыхъ попыткахъ ихъ революціонныхъ организацій.

Это въ сущности все, что могла сдѣлать для народа революціонная интеллигенція.

Полное экономическое освобожденіе народа можетъ быть лишь дѣломъ самого народа. Для успѣшной борьбы за это освобожденіе нужна безконечно большая сила, чѣмъ для сверженія, при попустительствѣ со стороны высшихъ классовъ, какого бы то ни было правительства; нужна такая высокая степень сознательности и самодѣятельности рабочаго класса, что рядомъ съ этой силой не имѣла бы значенія очень серьезная при извѣстныхъ комбинаціяхъ, но въ сущности хрупкая сила революціонной интеллигенціи.

VI.

Въ то время, когда окончательно затихаетъ революціонное движеніе среди образованныхъ слоевъ западной буржуазіи, начинается аналогичное сильное и самостоятельное движеніе въ Россіи.

Отдѣльными, наиболѣе развитыми личностями и группами она давно уже участвовала въ жизни мыслящей Европы. Всѣ наши передовые кружки первой половины девятнадцатаго вѣка развивались подъ вліяніемъ современнаго имъ западнаго движенія. Но они были колоніями просвѣщенныхъ чужестранцевъ, заброшенныхъ въ азіатское царство. Кромѣ небольшихъ группъ съ столицахъ, да одинокихъ читателей, разбросанныхъ по городамъ и помѣщичьимъ усадьбамъ, вся Россія жила тогда тою, никѣмъ не продуманной, а самостоятельно выросшею, вѣками сложившеюся „мудростью предковъ“, которую отцы передавали дѣтямъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ какихъ слышали ее отъ дѣдовъ. И ничто вокругъ не заставляло дѣтей сомнѣваться въ этой мудрости. Всѣ, изъ поколѣнія въ поко-

лѣніе, жили при почти одинаковыхъ условіяхъ, получая едва измѣняющіяся впечатлѣнія, дѣлая тоже и почти также, какъ дѣлали тридцать, сорокъ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Чтобы вырваться изъ круга этой массовой, окоченѣлой мысли, при тогдашнихъ условіяхъ нужно было высшее образованіе, знаніе иностранныхъ языковъ, достававшееся лишь немногимъ зажиточнымъ дворянамъ, и ко всему этому нужны были еще и выдающіяся умственные силы. Начавшіяся съ конца пятидесятихъ годовъ реформы почти всего нашего гражданскаго строя, измѣняя условія стараго быта, распатали съ нимъ вмѣстѣ и выросшую изъ него бытовую мудрость. Онѣ перевернули вверхъ дномъ обыденное существованіе всѣхъ самыхъ „дикихъ“ помѣщиковъ, самыхъ заскорузлыхъ чиновниковъ, онѣ же погнали въ города лишившихся пріюта дворовыхъ и массы крестьянъ, бѣжавшихъ туда на открывавшіеся заработки добывать деньги на уплату возраставшихъ податей. Желѣзныя дороги въ нѣсколько лѣтъ совершенно измѣняли фпзіономію самыхъ захолустныхъ городковъ, черезъ которые проходили.

Обо всемъ этомъ новомъ, невиданномъ и неслыханномъ старая мудрость рѣшительно не знала, что сказать. При этомъ новости били ее по самому чувствительному мѣсту, измѣняя способы пріобрѣтенія доходовъ и заставляли злиться, теряться и нести очевиднѣйшую ерунду. Подроставшая молодежь вдругъ почувствовала себя умнѣе отцовъ. Она почти инстинктивно была на сторонѣ всего новаго и уже этимъ однимъ выдѣлялась, чуть не въ каждомъ провинціальномъ городѣ, въ свой особый мірокъ, для котораго любой бойкій гимназистъ или семинаристъ, прочитавшій хоть пару журнальныхъ статей, — о заѣжемъ студентѣ ужь и говорить нечего, — становился непререкаемымъ авторитетомъ, окончательно разрушавшимъ уже распатанное уваженіе ко всему, что было свято и неприкосновенно для бытовой мудрости, вдругъ оказавшейся „устарѣлымъ предрассудкомъ.“

Всему этому юному люду было душно и тѣсно въ провинціи, всѣ рвались въ университетскіе города за отвѣтами на свои запросы и уже съ смутнымъ предчувствіемъ какого то великаго дѣла.

У этой, такъ быстро пробудившейся, такъ спльно взволнованной молодежи, была громадная потребность въ свободѣ. По сравненію съ предъидущимъ періодомъ, свобода, или вѣрнѣе, послабленія, были довольно значительны, но теперь каждое стѣсненіе чувствовалось гораздо сильнѣе.

Люди сороковыхъ годовъ, дошедшіе путемъ науки и постепеннаго развитія до отрицанія традиціонныхъ взглядовъ, оторванные отъ окружающей среды, могли довольствоваться осторожной литературной пропагандой лишь части своихъ возрѣній, оставляя для дружескихъ бесѣдъ за чайнымъ столомъ самыя задушевные свои убѣжденія.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи находилась молодежь шестидесятихъ годовъ, у которой не наука (враги не ошибались, называя ее „недоучившейся“), а измѣнившіяся условія жизни вызвали отрицаніе всѣхъ традиціонныхъ заповѣдей, болѣе полное и беспощадное, чѣмъ отри-

цаніе ихъ образованныхъ предшественниковъ. Люди сороковыхъ годовъ относились съ своего рода уваженіемъ, съ философскимъ признаніемъ, ко многому изъ отрицаемаго; они по большей части снисходитель о сторопились отъ проявленій въ живой дѣйствительности всего того, съ чѣмъ порѣшили въ теоріи. Молодежь, уже по одному своему молодому незнанію, не могла одновременно признавать и отрицать, уважать и разбирать. Ей требовались категорическіе отвѣты на ея вопросы, и непремѣнно на всѣ сразу — безъ недомоловокъ и сомнѣній. Она не только не чувствовала оторванности отъ окружающей среды, а была наоборотъ твердо убѣждена, что несогласаться съ ней свойственно лишь „дряхлымъ, отжившимъ ретроgradamъ“, а всему живому стоитъ лишь услышать „новое слово“, чтобы присоединиться къ ней. У нея развилась поэтому непреодолимая потребность распространять свои юные и рѣзкіе взгляды, приводившіе въ сильнѣйшее негодованіе не только дѣйствительныхъ „ретроgradовъ“, но и многихъ очень образованныхъ людей старшаго поколѣнія. Многочисленная, взволнованная и смѣлая молодежь не могла довольствоваться и бесѣдами за чайнымъ столомъ; ей нужны были многоядныя сходы. Всѣ эти свойства и потребности быстро поставили ее во враждебное отношеніе къ правительству. Послѣ запрещенія сходовъ и воскресныхъ школъ, приговора надъ Михайловымъ, въ особенности же послѣ ареста Чернышевскаго, все молодое поколѣніе „новые люди“, „нигилисты“, какъ называли ихъ тогда, всей душой возненавидѣли правительство и причислили его къ тѣмъ „самодурамъ“, которымъ уже не долго коптитъ небо.

Русская образованная среда вступила, наконецъ, уже не стдѣльными единицами, а широкимъ, сильнымъ теченіемъ, захватывавшимъ, хоть на мгновеніе, все способное думать и чувствовать въ тотъ возбужденный, революціонный періодъ, который пережила Западная Европа.

Изъ такой среды не могли не начать выдѣляться группы наиболѣе искреннихъ и смѣлыхъ юношей, готовыхъ вступить въ активную борьбу. И дѣйствительно, воспитывавшіяся подъ вліяніемъ своихъ старшихъ братьевъ поколѣнія семидесятыхъ годовъ выставили такой огромный процентъ серьезно преданныхъ своему дѣлу борцовъ, какой едва ли былъ когда превзойденъ учащимися поколѣніями Франціи и Германіи въ самыя горячія времена ихъ революціоннаго движенія.

Несомнѣнно, что низверженіе самодержавія было ближайшимъ завоеваніемъ, лежавшимъ на пути этого движенія. Но несомнѣнно также, что русскіе, какъ и всякіе другіе революціонеры, нуждались прежде всего въ такой программѣ, которая санкціонировала бы ихъ дѣятельность какъ борьбу за интересы всего народа, за общее счастье, и что поэтому они не могли явиться исключительно политическими революціонерами, какъ не могутъ и теперь, не преставши быть революціонерами, забыть социализмъ и заняться исключительно вопросомъ о политической свободѣ и „правахъ челоуѣка“.

Эта свобода, эти права для тѣхъ, кто говоритъ о нихъ теперь, имѣютъ совсѣмъ не тотъ смыслъ, какой имѣли когда-то для револю-

ціонеровъ. Въ старомъ революціонномъ смыслѣ уже никто на свѣтѣ говорить о нихъ не можетъ.

Сами побѣжденные остатки французскихъ якобинцевъ еще въ 1797-мъ году выступили въ заговорѣ Бабефа сторонниками коммунизма, признавши, что только при устраненіи имущественнаго неравенства и могутъ осуществиться для народа права человѣка.

Послѣдней, развитой формой этого коммунизма, основанной на данныхъ, выработанныхъ человѣческой мыслью во всѣхъ областяхъ знанія, является современный социализмъ — социаль-демократія.

Если бы наше революціонное движеніе могло съ самаго начала воспользоваться опытомъ революціонной Европы и результатами ея мысли, оно стало бы въ борьбѣ съ самодержавіемъ на точку зрѣнія союза коммунистовъ, боровшагося въ 48-мъ г. за политическую свободу не какъ за свой конечный идеаль, а какъ за первый шагъ въ той социальной революціи, которую ставилъ своей цѣлью.

Сосредоточивъ всѣ силы на пропагандѣ социализма среди городскихъ рабочихъ, русскіе революціонеры смотрѣли бы на борьбу за политическую свободу, какъ на одинъ изъ эпизодовъ долгой борьбы революціоннаго пролетаріата, какъ на его первую битву, дающую громадный размахъ всему движенію, удесятеряющую разливъ социалистическихъ идей и позволяющую движенію, послѣ побѣды, перейти въ слѣдующій фазисъ: отъ организаціи тайныхъ кружковъ обратиться къ открытой организаціи рабочихъ массъ.

Взявшись за это дѣло, наша революціонная интеллигенція навѣрное не растратила бы задаромъ своихъ силъ, и для борьбы съ русскимъ самодержавіемъ давно существовала бы революціонная армія.

Къ несчастью, цѣлый рядъ и исторически неизбѣжныхъ, и случайныхъ вліяній сперва, съ самаго начала движенія, отстранилъ молодую русскую интеллигенцію отъ серьезнаго знакомства съ Европой, а потомъ заставилъ ее уже сознательно отвернуться отъ Запада, рѣшить, что „не про насъ писали“ и думали его мыслители, что для насъ нѣтъ ничего поучительнаго въ его исторіи.

VII

Въ первый моментъ пробужденія русскимъ людямъ было не до Европы. Освобожденіе крестьянъ и устройство ихъ быта естественно должно было привлечь къ себѣ все вниманіе образованной среды. Затѣмъ подростшему поколѣнію „новыхъ людей“, взбунтовавшихся противъ бытовой мудрости, необходимо было оправдать и осмыслить свой бунтъ, создать новую нравственность, въ замѣнъ цѣликомъ отвергнутаго житейскаго кодекса. Удовлетворенію этой потребности посвящены были силы значительной части любимой молодежи литературы шестидесятыхъ годовъ.

Изъ авторитетныхъ писателей того времени едва ли не одинъ Чернышевскій заботился о распространеніи экономическихъ и историческихъ знаній среди молодежи. И на долгіе годы мы въ этихъ областяхъ остались при тѣхъ свѣденіяхъ, какія успѣлъ онъ сообщить намъ въ теченіе своей недолгой литературной дѣятельности.

За это время мы потеряли, такъ сказать, нить революціонной мысли Запада, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самый интересъ къ общественнымъ наукамъ.

Въ этомъ играло не малую роль и то положеніе, въ какомъ очутились эти науки въ самой Европѣ къ тому времени, когда начало складываться наше движеніе.

Вмѣстѣ съ наступившимъ послѣ 48-го года отрезвленіемъ образованныхъ слоевъ европейской буржуазіи отъ излишняго пристрастія къ свободѣ и „справедливости“ по отношенію къ низшимъ классамъ, ихъ покинулъ и всякій идейный, теоретическій интересъ къ общественнымъ вопросамъ. Меньше и меньше стало появляться замѣчательныхъ произведеній и даже просто талантливыхъ профессоровъ по всѣмъ отраслямъ знанія, имѣющимъ какое-нибудь касательство съ жгучими социальными вопросами.

Изученіе этихъ вопросовъ переселилось въ самой Европѣ изъ студенческихъ квартиръ, изъ широкой, хорошо оплачиваемой литературы на чердаки и въ подвалы рабочихъ жилищъ, въ грошевую рабочую литературу и уже не мозолило глазъ, не напрашивалось само собою на вниманіе русской публики, какъ это было, несмотря на николаевскіе заборы, въ первой половинѣ нашего вѣка.

Широко и сильно, на виду у всѣхъ, развивались теперь въ Европѣ однѣ естественныя науки, захватывая на свою службу всѣ лучшія умственные силы буржуазіи.

Лишь въ этихъ „далекихъ отъ мірскихъ тревоженій“ областяхъ протрезвленный буржуа могъ теперь думать и говорить спокойно и безпристрастно, безъ натяжекъ и умалчиваній, убивающихъ всякую теоретическую мысль.

Въ области общественныхъ наукъ его выводы уже сдѣланы заранее. Онъ не можетъ не доказывать, что существующій общественный строй необходимъ и вѣченъ въ своихъ основахъ и если нуждается въ нѣкоторыхъ поправкахъ, то лишь въ частныхъ, ничуть не нарушающихъ общаго принципа господства буржуазіи.

Литературныя произведенія этого направленія стояли въ слишкомъ рѣзкомъ противорѣчій съ историческимъ моментомъ, переживаемымъ русскимъ обществомъ и не могли пользоваться его симпатіей. Зато преобладающее развитіе естествознанія сильно повліяло на нашу публику и отразилось также на ея отношеніи къ общественнымъ наукамъ.

Даже наша революціонно настроенная молодежь пришла, подъ несомнѣннымъ вліяніемъ современной западной буржуазіи, къ тому убѣжденію, что „учиться“ можно только естественнымъ, вообще „точнымъ“ наукамъ, а по общественнымъ можно „прочесть“ что-нибудь на досугъ, но можно и не читать. Ничего нужнаго въ нихъ нѣтъ, ихъ выводы произвольны и не обязательны.

Къ дѣйствию общаго умственнаго состоянія европейской буржуазіи на нашу интеллигенцію присоединилось еще въ самомъ началѣ революціоннаго движенія вліяніе двухъ русскихъ европейцевъ: Герцена и Бакунина. Люди сороковыхъ годовъ, члены европейской революціонной интеллигенціи, они оба были поражены катастрофой, послѣдовавшей за Февральской революціей. Оба убѣдились затѣмъ въ полнѣйшемъ прекращеніи всякаго революціоннаго теченія среди европейской буржуазіи. Революція же народная, чисто рабочая, не предводительствуемая никакой партіей, состоящей изъ людей съ высшимъ образованіемъ, обоямъ представлялась какимъ-то разрушительнымъ хаосомъ, долженствующимъ смести всю цивилизацію.

Бакунинъ возвелъ этотъ воображенный хаосъ въ теорію и создалъ изъ него свою анархію. Герценъ подъ вліяніемъ своего разочарованія сталъ сильно склоняться къ славянофильству, и оба одинаково подрывали въ нашихъ глазахъ значеніе и науки, и исторіи Европы, оказавшейся какой-то колоссальной ошибкой.

Такимъ образомъ, въ дѣлѣ разработки своей программы, русское движеніе было предоставлено своимъ собственнымъ силамъ. Все „западное къ намъ непримѣнимо“, думали мы, и считали, что знаемъ объ этомъ Западъ совершенно достаточно, чтобы „избѣгать его ошибокъ“.

Но Западъ жестоко отомстилъ намъ за это презрѣніе. Мы волей неволей все таки выработывали свои воззрѣнія подъ сильнѣйшимъ его воздѣйствіемъ. Только вмѣсто основательно изученныхъ и понятыхъ фактовъ и теорій мы имѣли въ своемъ распоряженіи лишь смутныя, до отвлеченности краткія положенія, которыя именно вслѣдствіе своей краткости и отвлеченности превратились у насъ въ особаго рода историческіе предразсудки и недоразумѣнія, толкавшіе наше движеніе на ложные практическіе пути, ничуть не мѣшая намъ въ то же время повторять и старыхъ, давно уже выясненныхъ, теоретическихъ „ошибокъ Запада“.

Одной изъ такихъ повторенныхъ „ошибокъ“ было перенесеніе добродѣтелей, которыми великодушные французы одѣляли весь родъ человѣческій въ его „естественномъ состояніи“, а нѣмцы забрали было въ исключительное пользованіе своего народа, на нашихъ крестьянъ.

У нѣмцевъ, не слыжавшихъ еще о социализмѣ, германскій „народный духъ“ долженъ былъ осуществить тогдашній идеаль общаго счастья, основанный на свободѣ и добродѣтели.

Что касается до насъ, то мы слышали объ ассоціаціяхъ, считали ихъ за социализмъ и надѣялись, что нашъ „народный духъ“ разовьетъ этотъ социализмъ изъ общиннаго землевладенія, свергнувъ правительственный гнетъ и водворивъ анархію.

По сложившейся у насъ программѣ, задача революціонной интеллигенціи заключалась въ томъ, чтобы своею проповѣдью вызвать, или вѣрнѣе ускорить, и направить, готовящееся, по предположенію, крестьянское возстаніе.

Городскія революціи, приводившія на Западѣ лишь къ измѣненію политическихъ формъ, были въ нашихъ глазахъ его главнѣйшей

„ошибкой“. Мы радовались мысли, что „наши города тѣ же деревни“, а „городскіе рабочіе тѣ же крестьяне“ и предполагали, что въ будущемъ стрѣ города превратятся уже въ совершенныя деревни, а рабочіе въ крестьянъ. Поэтому въ глазахъ революціонной интеллигенціи мѣсто настоящей серьезной дѣятельности было лишь въ деревнѣ. Но приготавливаясь къ этой дѣятельности, многіе изъ народниковъ начинали пробовать свои силы на пропагандѣ среди рабочихъ.

Собственно говоря, самостоятельное движеніе въ рабочей средѣ не имѣло большаго значенія въ глазахъ народниковъ. Рабочіе были важны для него, главнымъ образомъ, въ качествѣ пропагандистовъ среди крестьянъ. Для рядоваго рабочаго, не обладающаго выдающимися талантами, способнаго дѣйствовать лишь съ массой, въ народнической программѣ не было ни мѣста, ни дѣла, ни будущаго. Онъ долженъ былъ ждать крестьянской революціи и превратиться затѣмъ въ крестьянина. Могъ, на худой конецъ, устроить тогда и городскую ассоціацію, но эти послѣднія до такой степени опротивѣли интеллигенціи, заводившей ихъ по образу Вѣры Павловны, и потерпѣвшей полнѣйшую неудачу, что говорить о нихъ увлекательно она была рѣшительно не въ состояніи.

Положить начало прочному, самостоятельному движенію въ рабочей средѣ эта анти-рабочая пропаганда, конечно, не могла. Но такъ воспріимчива оказалась сама среда, что при малѣйшей усидчивости стремившихся въ деревню пропагандистовъ, ихъ дѣятельность приносила плоды; а тѣ выдающіяся личности этой среды, на которыхъ случайно наталкивалась интеллигенція, выдѣлялись и становились въ ея ряды.

Не долго длилась наша грандіозная мечта поднять крестьянъ и явиться инициаторами народнаго освобожденія. Годъ-два—и революционеры почувствовали, что такая задача имъ не по силамъ. На время надежды сосредоточились на самостоятельныхъ крестьянскихъ бунтахъ, которые интеллигенція должна была расширить и объединить своимъ участіемъ. Но съ каждымъ годомъ блѣднѣла и эта надежда.

Передъ началомъ „террора“, сильнѣйшій изъ тогдашнихъ революціонныхъ кружковъ „Земля и Воля“, хотя и затрачивалъ гораздо больше силъ на поселенія среди крестьянъ, чѣмъ на дѣятельность среди рабочихъ, но могъ похвастаться значительнымъ успѣхомъ именно въ средѣ послѣднихъ. Поскольку велась пропаганда, она была очень успѣшна. Участіе въ стачкахъ, помощь, которую организация оказывала при нихъ рабочимъ, начала создавать „Землѣ и Волю“ особаго рода популярность въ рабочей средѣ, не затронутой никакой пропагандой: „студентъ“ началъ казаться петербургскимъ рабочимъ необходимымъ элементомъ при всякой стачкѣ. Такимъ образомъ у „Земли и Воли“ оказывалось отсутствіе всякаго замѣтнаго успѣха тамъ, гдѣ онъ былъ важенъ по программѣ, и значительный успѣхъ тамъ, гдѣ по программѣ онъ не имѣлъ серьезнаго значенія. Успѣхъ былъ видимо приобрѣтенъ, вдобавокъ, не благодаря, а вопреки программѣ. Сами распропагандированные по этой программѣ рабочіе пытались уже внести въ нее свою разрушающую поправку, въ видѣ требованія политической свободы, которая, какъ утверждали

рабочіе, нужна имъ темеръ же, не дожидаясь будущаго деревенскаго рая. Такое противорѣчіе между дававшимся въ руки дѣломъ и программой не могло длиться до безконечности. Чтобы съ увлеченіемъ отдаться рабочему движенію, интеллигенціи надо было отбросить свою крестьянско-народническую программу и замѣнить ее программой рабочаго социализма. А для такой замѣны приходилось перестроить предварительно все свое міросозерцаніе, признать правымъ и изучить тотъ Западъ, „ошибки“ котораго мы такъ гордо поправляли, и покончить съ мечтами о специально русскомъ социализмѣ. Между тѣмъ поколебалась лишь надежда повести крестьянъ на завоеваніе этого социализма, самъ же онъ былъ еще твердъ и непоколебимъ въ умахъ народниковъ. Поэтому начинавшаяся связь между революціонной партіей и рабочими держалась на волоскѣ и могла быть заброшена при первомъ случаѣ, дававшемъ другое поле дѣятельности.

VIII.

Сильное сочувствіе, которымъ встрѣтило большинство нашего общества первыя, единичныя политическія убійства и тотъ исходъ, который давали эти убійства накопившейся у революціонеровъ ненависти къ правительству, сразу создали такого рода дѣятельности большую популярность въ средѣ народниковъ. Очень скоро для политическихъ убійствъ нашлось определенное мѣсто въ ихъ программѣ. Явилось предположеніе, что эти убійства терроризируютъ правительство и дезорганизуютъ его силы. Террористы явились, по программѣ, охранительнымъ отрядомъ дѣйствующей въ народѣ партіи.

Между тѣмъ напряженно воинственное настроеніе, поддерживаемое удачными предпріятіями, все усиливалось,—терроръ неудержимо притягивалъ къ себѣ большинство силъ и средствъ. Первоначальное мѣсто въ программѣ уже не соответствовало его значенію. Черезъ годъ, послѣ первыхъ фактовъ этого рода, въ средѣ террористовъ пріобрѣла уже право гражданства та мысль, что дѣятельность въ народѣ совершенно бесполезна, что революціонная интеллигенція сама по себѣ достаточно сильна, чтобы дезорганизовать правительство, снять съ народа давящій его гнетъ.

За этимъ первымъ измѣненіемъ въ старой народнической программѣ естественно послѣдовало другое. Анархія, безгосударственность необходимо предполагала самодѣятельность и революціонность крестьянства. При признанной неподвижности деревень, одной дезорганизацией, однимъ устраненіемъ центральнаго правительства еще ничего не достигалось; надо было стать на мѣсто этого правительства, чтобы избавить народъ отъ всей системы лежащаго на немъ гнета, отъ всѣхъ его мѣстныхъ утѣснителей. Идея анархической безгосударственности уступила мѣсто идеѣ захвата власти друзьями

народа, направляющими силу этой власти къ его благу. Народники партіи „Народной Воли“ изъ анархистовъ стали демократами.

Все сконцентрировалось вокругъ террора.

Народники, „Черно-передѣльцы“, оставшіеся вѣрны старой программѣ „Земли и Воли“, понимали, что интеллигенціи не можетъ однимъ собственными силами освободить народъ, понимали и то, что терроръ вовсе не дезорганизуетъ силу правительства, но этой новой, растущей иллюзіи они не могли ничего противопоставить, кромѣ старой, уже померкшей надежды на крестьянскія возстанія, и не могли поэтому не ступать предъ террористами.

Геройская борьба этихъ послѣднихъ продолжала держать въ возбужденномъ настроеніи значительное число мирныхъ либеральныхъ обывателей, отзывалась на офицерствѣ и глубоко волновала студенчество.

Я ничуть не сомнѣваюсь, что за три года террора не разъ бывали моменты, въ которые петербургская интеллигенція — а она то и важна — была до такой степени взволнована, что будь передовая часть рабочаго класса заранѣе возбуждена социалистической пропагандой, привычки петербургскій рабочий къ мысли о силѣ и самостоятельности значеніи своего класса — однимъ словомъ будь тогда въ Петербургѣ возможно возстаніе, которое выставило бы на своемъ знамени требованіе свободы и созванія народныхъ представителей, петербургское общество отлично выполнило бы свою роль. Студенчество съ головой отдалось бы возстанію и разжигало бы его. Значительная часть офицерства усмиряла бы возстаніе такъ вяло и неохотно, что дала бы ему время разгорѣться. Либералы съ своей стороны подали бы сколько угодно адресовъ и петицій — въ такое время это совершенно безопасно — и сдѣлали бы все возможное, чтобы воспользоваться возстаніемъ.

Но хотя „Народная Воля“ признала важное значеніе рабочихъ для революціи, и въ 1880 году старалась дѣйствовать въ смыслѣ возбужденія въ нихъ симпатій къ политическому перевороту — никакое возстаніе не было, конечно, мыслимо. Такія великія задачи, какъ пробужденіе въ массѣ тѣхъ или иныхъ идейныхъ, сознательныхъ симпатій, въ нѣсколько мѣсяцевъ не дѣлаются даже при самой усиленной работѣ, а „Народная Воля“, занятая громадными приготовленіями къ царевубійству, могла удѣлять на второстепенное для нея рабочее дѣло лишь остатки своихъ силъ. Рабочіе, распропагандированные еще при „Землѣ и Волѣ“, сами увлеклись терроромъ и приняли въ немъ блистательное участіе; но для этого участія они, по самымъ необходимымъ условіямъ конспираціи, должны были совершенно изолировать себя отъ массы своихъ товарищей. Удаленіе же изъ рабочей среды такихъ людей, какъ Халтуринъ и другіе рабочіе террористы, не могло не дѣйствовать губительно на едва начинавшееся движеніе.

А безъ возстанія, безъ всякой серьезной связи съ рабочимъ классомъ, что могли сдѣлать взволнованные терроромъ мирные обывате-

ти-либералы?*)). Что могла сдѣлать доведенная до бѣлаго камня масса студенчества?

Терроръ и все вызванное имъ настроеніе было сильной бурей, но въ закрытомъ пространствѣ. Волны поднимались высоко, но волненіе не могло распространиться. Оно только исчерпывало, истощало нравственныя силы интеллигенціи.

Упадокъ движенія въ восьмидесятыхъ годахъ не можетъ быть приписанъ одной ловкости полиціи, — въ немъ играла несомнѣнную роль и нервная усталость самой интеллигенціи. Но еще безконечно большую роль въ утратѣ самими революціонерами прежней бодрости и увлеченія играло, конечно, ослабленіе теоретической, идейной основы движенія.

Люди, выработывавшіе свое міросозерцаніе въ 80-хъ годахъ и говорившіе о русской самобытности, объ общинѣ и ея развитіи, вѣроятно и представить себѣ не могутъ, чѣмъ былъ для людей 70-хъ годовъ этотъ „русскій социализмъ“, это будущее вольное, счастливое крестьянское царство безъ царя и безъ правительства! Но жизнь срывала постепенно съ этой иллюзіи, игравшей для насъ одушевляющую роль революціоннаго идеала, ея блестящій ореолъ.

Къ концу 70-хъ годовъ революціонность крестьянства уже пошатнулась въ умахъ народниковъ, но „русскій самобытный социализмъ“ былъ еще цѣль — мы теряли лишь путь къ его осуществленію.

Терроръ, подмѣнивши въ программѣ силу крестьянства боевыми силами интеллигентныхъ кружковъ, возвратилъ на мнуну старой иллюзіи всю ея обаятельность.

Но въ 80-хъ годахъ самъ „русскій социализмъ“ изъ живаго болѣе или менѣе цѣльнаго міросозерцанія сперва превратился, подъ перомъ г. Тихомирова, въ мертвый догматъ, а потомъ исчезъ безвозвратно. Движеніе потеряло свой идеалъ, свою теоретическую программу, а между тѣмъ весь складъ, принятый русской мыслью за послѣдніе 30 лѣтъ, мѣшалъ и мѣшаетъ нашей революціонной интеллигенціи принять единственное возможное для нея теперь революціонное міросозерцаніе научнаго рабочаго социализма.

Безграничный эклектизмъ русской интеллигенціи, не признающей въ области общественныхъ вопросовъ ничего обязательнаго, стройнаго и послѣдовательнаго, дозволяетъ ей, не принимая и не оспаривая

*) Либераловъ упрекаютъ, зачѣмъ не подавали они адресовъ и прошеній съ требованіями конституціи. Но при террорѣ сколько-нибудь приличныя прошенія этого рода были гораздо опаснѣе, чѣмъ въ другое время, да онъ и не давалъ къ нимъ никакого повода. Къ неприличнымъ же прошеніямъ, переполненнымъ проклятіями крѣмоль и обѣщаніями извести социалистовъ, честные идейные либералы совершенно не способны. Инициаторами подобныхъ адресовъ отъ земствъ являлись, навѣрное, не либералы, а люди преждевременно народившагося у насъ, такъ сказать, предвосхищеннаго исторіей типа протрезвленныхъ буржуа, которымъ свобода не нужна, а нужно лишь „самоопредѣленіе“ по части хозяйства, какъ земскаго, такъ и общегосударственнаго. Самая крайняя изъ либеральныхъ фракцій нѣмецкаго Рейхстага, „прогрессисты“ и тѣ вотировали въ 1884 году за исключительные законы, лишающіе всякой свободы и всякихъ правъ рабочихъ социалистовъ. А тѣмъ не менѣе прогрессисты очень недовольны ограниченностью правъ Рейхстага и по другимъ вопросамъ дѣлаютъ Бисмарку оппозицію.

этого міросозерцанія, то оставляютъ его въ сторонѣ, откладывая до „конституціи“, то вырывать изъ него отдѣльные клочки, постоянно пытаюсь *придумать* для Россіи что нибудь особенное. А между тѣмъ весь кругъ самобытныхъ плюзій уже исчерпанъ и ничего не придумывается.

При отсутствіи ясной, широкой, идейной программы, въ образовывавшихся кружкахъ не выработывалось н того увлеченія, той настойчивости и энергіи, которыя необходимы для всякой революціонной дѣятельности.

Самый терроръ, продолжая сосредоточивать на себѣ всю любовь, всѣ революціонные помыслы большинства кружковъ, теряетъ свою широкую цѣль, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прежнюю бодрость и самоувѣренность. Имъ не надѣются уже сломить, уничтожить самодержавіе. Терроръ становится средствомъ *склонить* правительство къ уступкамъ при содѣйствіи общества. Къ давнишнимъ упрекамъ обществу за его неревoluціонность и апатію начинаютъ примѣшиваться усиленныя надежды на его исправленіе посредствомъ „агитаціи во всѣхъ слояхъ“. Давленію общественнаго мнѣнія на правительство придается все большее и большее значеніе. Даже терроръ сводится къ какому-то вспомогательному средству при этомъ давленіи и чуть не ставится на одну доску со всеподданнѣйшими земскими адресами и прошеніями.

Программа Свободной Россіи, сводившая уже все и вся къ одной „силѣ общественнаго мнѣнія“, къ адресамъ и прошеніямъ не могла, по самой своей послѣдовательности, имѣть успѣха.*) Но въ сущности, къ этой программѣ вела прямымъ путемъ вся логика тактикъ, коптрабандой пробравшихся въ революціонные круги, антиреволюціонныхъ расчетовъ — не на силу своихъ пдей, не на народное возстаніе, а на уступчивость врага и силу общества.

*) Намъ случилось уже нѣсколько разъ упоминать о „Свободной Россіи“, прекратившейся на третьемъ номерѣ и не представлявшей изъ себя, ни въ литературномъ ни въ идейномъ отношеніи, ничего замѣчательнаго. Этотъ органъ интересенъ для насъ не самъ по себѣ, а лишь въ качествѣ яркаго до карикатурн сти прѣвлелння того, что можно бы назвать „пониженіемъ тона“ русскихъ революціонныхъ программъ.

Щедринъ приводитъ въ одной изъ своихъ хроникъ слѣдующее объясненіе риторической фигуры пониженія тона, полученное имъ отъ одного фельетониста Московскихъ Вѣдомостей: „Пониженіе тона есть такое онаго ограниченіе, которое по наружности, хотя и не касается внутренняго содержанія, послужившаго поводомъ для словеснаго упражненія, но на дѣлѣ пресущественнѣйшее оно измѣняетъ и претворяетъ“.

„Тонъ“ всѣхъ воззрѣній нѣкоторой части нашей революціонной интеллигенціи постепенно „понижался“, а ей казалось, что она производитъ въ своихъ программахъ лишь нѣкоторыя „ограниченія“, не касающіяся ихъ внутренняго содержанія. На дѣлѣ же оказалось такое существенное измѣненіе самыхъ воззрѣній, что получилась возможность появленія очень *улыренно* либеральнаго и совершенно опредѣленно антиреволюціоннаго органа, въ которомъ и редактора и всѣ сотрудники (за исключеніемъ г. Драгоманова, который нисколько не измѣнился и отъ ячно знаетъ что дѣлаетъ) революціонеры и, даже издавая свой удивительный органъ, продолжали считать себя таковыми.

Это во всякомъ случаѣ очень характерный признакъ времени.

IX

Посмотримъ однако, чего именно могутъ ждать революціонеры отъ общества, и основательны ли наши вѣчныя жалобы на его нереволюціонность.

Въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорится напр., что западная буржуазія была революціонна до 48-го года, русское общество уже давно революціонно. Оно революціонно, если брать его всего цѣликомъ вмѣстѣ съ его революціонными элементами. Революціонность общества въ томъ то и выражается всего ярче, что часть его молодежи становится революціонной. Въ томъ же самомъ выражалась и бывшая революціонность образованныхъ слоевъ западной буржуазіи.

Неудовлетворенная потребность самой распоряжаться дѣлами своей страны порождала въ ея средѣ общее недовольство всѣмъ ходомъ этихъ дѣлъ, критическое, недоброжелательное отношеніе къ правительству, склонность къ размышленіямъ надъ общественными вопросами, сочувствіе къ угнетеннымъ и болѣе или менѣе рѣшительное признаніе общественной несправедливости по отношенію къ низшимъ классамъ. Отсутствие политической власти въ ея рукахъ дозволяло ей при этомъ совершенно искренно сваливать главную отвѣтственность за всѣ несправедливости на правительство.

Все это проявлялось въ безчисленныхъ оттѣнкахъ отъ умѣренного либерализма, до самыхъ демократическихъ воззрѣній, сказывалось вездѣ и во всемъ: въ наукѣ, въ литературѣ, въ гостинной, въ семьѣ и въ школѣ.

Въ такомъ же состояніи давно уже находится и русское общество.

Его дѣти давно уже растутъ въ атмосферѣ „хорошихъ словъ“, „гражданской скорби“ и недоуванія на правительство.

Но какъ бы ни была сильна гражданская скорбь человѣка, такъ или иначе пристроившагося и ставшаго солиднымъ отцомъ семейства и „членомъ общества“, его личное, частное положеніе настолько хорошо, настолько лучше положеніи большинства, что онъ не можетъ не дорожить имъ больше всего на свѣтѣ, не можетъ ради своего общаго недовольства рисковать своимъ частнымъ довольствомъ. Отсюда неизбежное противорѣчіе между его словами, вызываемыми самымъ искреннимъ общимъ недовольствомъ и дѣлами, необходимыми для поддержанія его частнаго довольства.

Молодежь слышитъ добрыя рѣчи о народѣ вообще и видитъ злыя поступки съ его ближайшими представителями въ лицѣ мѣстныхъ крестьянъ. „Не раззорится же!“—Поступковъ требуетъ хозяйство.

Молодежь слышитъ въ интимныхъ разговорахъ самую рѣзкую критику дѣйствій правительства и самые неелестные эпитеты по адресу губернатора или мѣстнаго жандармскаго полковника и видитъ угодливость и предъ губернаторомъ и предъ полковникомъ и во всякомъ случаѣ полнѣйшее отсутствіе протеста даже противъ дѣйствій

урядника. „Нельзя, могутъ выйти непріятности, у меня семья, дѣти, я обязанъ о нихъ заботиться.“

Это совершенно естественно. Солидные люди не могутъ не быть практичными. И наоборотъ, было бы совершенно противуестественно еслибы въ спокойномъ, неуравновѣшенномъ обществѣ молодежь оказывалась вся сплошь практичной и уравновѣшенной.

Наиболѣе впечатлительнымъ и правдивымъ юношамъ нравятся хорошія рѣчи и противны благоразумные поступки. Ни въ хозяйство, ни въ службу, ни въ заботы о семейномъ благосостояніи они не успѣли втянуться. Этого спасительнаго балласта, мѣшающаго солиднымъ людямъ пускаться въ рискованныя плаванія, у нихъ не существуетъ и они разрываютъ съ обществомъ, составляютъ себѣ идею *общаго* блага и идутъ бороться за нее, не считая ни жертвъ, ни силъ, отбросивъ всякія помышленія не только о выгодахъ, но и о самой жизни.

Общество огорчается, конечно, такимъ результатомъ своей собственной неуравновѣшенности. Огорчалось имъ въ былое время и западное общество, и тѣмъ не менѣе, безсознательно толкая на опасность и безчеленныя страданія своихъ собственныхъ дѣтей, оно тѣмъ самымъ подготовляло свое окончательное торжество, выполняло одну изъ своихъ революціонныхъ задачъ.

Эту задачу еще недавно очень широко и очень успѣшно выполняло и русское общество.

Вторая обязанность, лежавшая на западной буржуазіи въ ея революціонномъ періодѣ, заключалась въ заявленіяхъ правительствамъ различныхъ пожеланій и требованій и въ причиненіи тѣмъ изъ нихъ, которыя сопротивлялись ея требованіямъ, различныхъ затрудненій и непріятностей.

Этой обязанности наше общество не выполняетъ. Но едва-ли справедливо было бы предположить, что такое упущеніе съ его стороны происходитъ единственно отъ его большей трусости или меньшей возбужденности по сравненію съ буржуазными классами западной Европы, переживавшими свой періодъ недовольства и стремленія къ ограниченію верховной власти. И тѣ требовали и протестовали лишь постольку, поскольку у нихъ имѣлись уже въ законахъ и учрежденіяхъ неоспоримыя права на такія дѣйствія, и поскольку они были убѣждены, что правительства не могутъ обходиться безъ содѣйствія этихъ учреждений, а слѣдовательно, законнымъ отказомъ въ содѣйствіи имъ можно причинять серьезныя непріятности и затрудненія.

Ничего подобнаго нѣтъ у русскаго общества. Нѣтъ и у земства, на которое возлагаются у насъ по преимуществу просительскія обязанности. Прошенія-же, не подкрѣпленныя никакою угрозой, слишкомъ ужъ неэффективны, имѣютъ слишкомъ патріархальный характеръ, чтобы сильно увлекать наше общество.*)

*) Правда, прусскіе провинціальные чины также мало могли вредить правительству, какъ и наши земства, а г. Драгомановъ въ 1 Лѣтѣ Свободной Россіи (стр. 20) утверждаетъ насъ, что „прусскій абсолютизмъ палъ... въ 47 году, когда король подъ давлениемъ общественнаго мнѣнія, выражавшагося между прочимъ и въ требованіяхъ про-

Третья задача либеральных элементов высших классов — это парализовать энергию правительства при усмирении возстанія. Къ ея выполнению мы не дали нашему обществу ни малѣйшаго повода.

Но, мнѣ кажется, трудно сомнѣваться въ томъ, что и у насъ, какъ въ былой Европѣ, нашлись бы люди изподтишка сочувствующіе возстанію и старающіеся остановить кровопролитіе. Нашлись бы, а это главное, такіе офицеры, которые вмѣсто того, чтобы сразу и энергично командовать „пли!“, принялись бы дѣйствовать мѣрами кротости и увѣщанія, давая тѣмъ время толпѣ съ такою же кротостью заласкать солдатъ, окружить ихъ, повынимать у нихъ ружья изъ рукъ и разстроить ихъ ряды.

Офицеръ и самъ, если не теперь, то когда-то хоть на время да сочувствовалъ тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляютъ возставшіе. Если не въ его собственномъ, то во многихъ знакомыхъ ему семействахъ, есть студенты, находящіеся, вѣроятно, тамъ, среды толпы, въ которой отъ одного его слова сотни полягутъ мертвыми. Поди-ка, командуй тутъ „пли!“

Во всякомъ случаѣ, по этому пункту исправность общества, по отношенію къ его революціоннымъ обязанностямъ, остается неизвѣстной, а что мы своихъ не выполнили — это несомнѣнно.

Тоже можно сказать, конечно, и о четвертой, послѣдней задачѣ общества: воспользоваться плодами борьбы рабочихъ и революціонной интеллигенціи.

X

И такъ, по нашему мнѣнію, съ одной стороны влить въ русское общество революціонную готовность на борьбу нѣтъ ни малѣйшей воз-

внціальныхъ земскихъ собраній, созвалъ объединенное ихъ собраніе.“ Надо только замѣтить, что созданное собраніе сильно огорчило либеральное общественное мнѣніе Пруссіи и было принято имъ не за выполнение „объщавій 18-го года“, напоминавшими о которыхъ было такъ удобно дразнить правительство, а за ихъ отрицаніе. Собраніе не пользовалось даже правомъ періодичности, а создано было на одинъ разъ для заключенія займа. Сильно стѣсненная печать не получила при этомъ ни малѣйшихъ облегченій и никакія иныя „права человѣка“ не были расширены. Уступка-же, которую, по сообщенію той-же статьи, Австрійское правительство сдѣлало своимъ подданнымъ еще наканунѣ возстанія 13 Марта 1848 года, заключалась въ общаніи созвать земскихъ представителей съ *соотчательнымъ* голосомъ по тѣмъ вопросамъ, которые правительство имъ *укажетъ*. Но и это общаніе, про которое не особенно либеральный Шпрингеръ (Gesch. Oest., т. 2, стр. 182) говоритъ, что оно „напоминало нарисованныя кушанья, предназначенныя для утоленія сильнаго голода“, было дано никакъ не вслѣдствіе адресовъ читальнаго общества или студентовъ, а вслѣдствіе волненій въ южной Германіи, заставлявшихъ правительство ожидать со дня на день возстанія и въ Вѣнѣ, и которая уже начинала волноваться. Въ другое время, за одну фантазію подавать подобный адресъ, студентовъ преспокойно разсажали бы по тюрьмамъ.

Да, такую-то конституцію намъ когда нибудь дадутъ.

возможности, а съ другой — вовсе не въ его апатіи лежитъ и главное препятствіе къ нашему освобожденію. Оно стоитъ на томъ же пути, на которомъ стояли и европейскіе образованные слои въ свои революціонные періоды. Уклонились отъ европейскаго пути мы, революціонеры, а не общество.

Такъ какъ революціонизировать общество невозможно, то и соединиться съ нимъ революціонная партія могла бы не иначе, какъ переставши быть революціонной, что вовсе не значило бы соединиться, а просто исчезнуть, не усиливши этимъ, вдобавокъ, ни на волосъ партію мирныхъ конституціоналистовъ. Для нихъ во сто разъ важнѣе было бы пріобрѣтеніе нѣсколькихъ придворныхъ, въ особенности изъ высшихъ чиновъ полиціи, чѣмъ всѣхъ революціонеровъ. Вѣдь наши конституціоналисты обречены разсчитывать единственно на „силу общественнаго мнѣнія“. А дѣло извѣстное, что на всѣхъ и каждого всего сильнѣе дѣйствуетъ мнѣніе ближайшаго наиболѣе симпатичнаго ему общественнаго круга. Что же можетъ быть ближе, что можетъ быть симпатичнѣе для Александра III его ¹⁴полиціи?

„Свободная Россія“ такъ и понимаетъ, повидимому, подъ соединеніемъ общества съ революціонерами простое исчезновеніе послѣднихъ.

Почти во всѣхъ статьяхъ этого органа революціонерамъ читаются длиннѣйшія наставленія сплошь отрицательнаго свойства: Не дѣлай того, не говори этого! Не упоминай о социализмѣ, не трогай рабочихъ, не печатай брошюръ, не будь отщепенцемъ, не кричи „вы, либералы“, а говори „мы, общество“.

Положительная часть практической программы „Свободной Россіи“, развиваемая въ статьяхъ г. Драгоманова, сводится, исключительно, къ безконечной и безграничной подачѣ прошеній. Если современное общество, современныя земства не подадутъ ихъ въ достаточномъ количествѣ, то тѣмъ же самымъ предстоитъ заняться „нашимъ младшимъ поколѣніемъ радикальнаго направленія“, которымъ „самымъ надо будетъ стать людямъ общества и земцами, и активными либералами“.*)

То есть: въ младшемъ поколѣніи на земскія и нынѣ, подходящія для подачи прошеній, должности будутъ поступать люди того сорта, того типа, который раньше обращался къ революціонной дѣятельности. Иными словами, революціонный типъ исчезнетъ, слившись съ бывшимъ и въ самые горячіе годы, гораздо болѣе многочисленнымъ типомъ юношей, уже на школьной скамьѣ готовившихъ себя къ мирной, легальной, благополучной дѣятельности. Но для того, чтобы получилось такое все сплошь практичное, уравновѣшенное юношество, нужно, чтобы у самого образованнаго общества, во всѣхъ его слояхъ, всѣ нравственныя понятія не залетали выше принциповъ, положенныхъ въ основу гражданскаго и уголовнаго кодекса, чтобы понятіе объ общемъ благѣ какъ можно ближе подошло къ понятію объ успѣшномъ взысканіи недоимокъ, чтобы общество забыло и сатиры Щедрина и пѣсни Некрасова и многое, многое другое... Надо создать вокругъ подросткащаго поколѣнія такую нравственную атмосферу, которая окружаетъ

*) № 1 стр. 18.

теперь хотя бы пѣмецкое учащееся юношество. Надо, чтобы у подростковъ никогда не забилося сердце ни отъ какихъ идей, ни отъ какихъ „хорошихъ словъ“.

Иначе того сорта юноши, которые прежде неудержимо стремились къ революціонной дѣятельности, не находя этого исхода, будутъ скорѣе кончать самоубійствомъ или притуплять свою впечатлительность въ какихъ нибудь сектантскихъ поселеніяхъ вродѣ Толстовскихъ, а все таки не превратятся въ благополучныхъ россіянь, способныхъ умѣренно и акуратно пройти всѣ мытарства, обзавестись цензомъ и пробраться въ земство или какъ нибудь пначе устроиться въ такомъ же почтенномъ положеніи. А у кого хватить на все это практичности и благоразумія, хватить и на то, чтобы не слишкомъ торопиться съ прошеніемъ, если съ нимъ связанъ рискъ потерять заботливо созданное положеніе.

Всѣ западныя образованныя общества находятся теперь въ томъ уравнивленномъ состояніи, какъ требуется для воспитанія благоразумныхъ юношей. Но они пришли въ такое состояніе лишь послѣ борьбы (руками рабочихъ и революціонной интеллигенціи) за участіе въ управленіи и не раньше пріобрѣтенія той или иной степени этого участія.

Трудно предположить, чтобы русскому обществу суждено было составить въ этомъ отношеніи единственное исключеніе.

Но во всякомъ случаѣ, успокоится ли не успокоится наше общество, будетъ ли не будетъ оно подавать прошенія, а представителямъ губернскихъ земствъ или чему нибудь въ этомъ же почтенномъ и практическомъ родѣ, раньше или позже, будетъ дозволено съѣхать и поговорить.

Тѣмъ для разговоровъ, всего вѣроятнѣе, будутъ даны самимъ правительствомъ. Но предположивши даже, что почтеннымъ людямъ будетъ дозволено выбирать ихъ, они, помня пословицу, что „даровому коню въ зубы не смотрять“, сами постараются не „раздражать правительство“, „не компрометтировать благихъ начинаній“, не затрогивать непріятныхъ тѣмъ.

Въ число же пріятныхъ для правительства тѣмъ свобода слова, собраній, организацій, даже прекращеніе травли соціалистовъ — все то, ради чего эти послѣдніе желаютъ конституціи — включено не будетъ*).

Всѣ эти свободы черезчуръ противорѣчатъ личному правленію, къ которому слишкомъ привыкли — и безъ революціи не отвыкнуть — Романовы. То или другое подобіе представительства, съ тѣми или дру-

*) При диктатурѣ конституціоналиста Лорисъ-Меликова, жестокости были доведены до небывавшихъ ни раньше ни позже фактовъ смертной казни 17 лѣтняго мальчика за найденный у него печатный листокъ. Л. Меликовъ не забылъ отдаленнѣйшихъ уголковъ Сибири, чтобы ухудшить тамъ положеніе людей, страдавшихъ за пропаганду — террористовъ тогда въ Сибири не было. И что же, на другой день послѣ созванія совѣщательной комиссіи все это было бы прекращено? Почему же? Если наканунѣ звѣрства были нужны для того, чтобы примирить царя съ мыслью объ ограниченіи власти, то на другой день они были бы еще необходимѣе для примиренія его съ началомъ осуществленія непріятной мысли.

гими спеціальними цѣлями, они могутъ дать, но свобода въ подарокъ отъ самодержавныхъ царей не выпрашивается

Она у нихъ вынуждается, завоевывается. Европейскія „общества“ т. е. образованная, идейная часть тогдашней буржуазіи, обобщавшая и возводившая въ теоріи прогрессивныя стремленія своего класса, завоевывала нужныя ей, въ тотъ моментъ, свободы при помощи рабочихъ.

А рабочихъ будили и вовлекали въ движеніе выдѣлявшіеся изъ общества революціонные элементы, заносившіе въ бѣднѣйшіе слои городского населенія вѣсть о тѣхъ результатахъ, до которыхъ додумалась въ данный моментъ человѣческая мысль, работавшая надъ вопросомъ о выходѣ изъ мучительнаго для громаднаго большинства народа современнаго строя.

Въ этомъ посредничествѣ между революціонною мыслью и революціоннымъ классомъ, между наукой и рабочими, заключалась вся историческая задача революціонныхъ элементовъ образованнаго общества въ Европѣ.

Если революціонные элементы нашего общества отложатъ до конституціи выполненіе своей исторической обязанности: сообщить русскимъ рабочимъ о выводахъ научнаго социализма — высшей ступени достигнутой въ настоящій моментъ революціонною мыслью — то русское общество завоевать свободы, вынудить ее у правительства будетъ не въ состояніи. Ему придется ждать всего отъ милости правительства и пытаться возбуждать въ немъ милостивое настроеніе путемъ прошеній.

Предположимъ, что благодаря разнымъ хозяйственнымъ затрудненіямъ самаго правительства, его милостивое настроеніе начинаетъ пробуждаться и русскіе граждане начинаютъ получать кое какіе права.

Несомнѣнно, что дарованіе этихъ правъ начнется никакъ не съ верхняго, идеальнаго ихъ конца: свободы слова, собраній, организацій и проч., а съ матеріальнаго, хозяйственнаго, соприкасающагося съ нуждами самого правительства. И кое кому отъ этого въ Россіи станетъ легче. Нераззоренной части крестьянства — въ ея ужасномъ положеніи — могутъ хоть сколько нибудь помочь лишь смѣлыя, рѣшительныя мѣры. А всѣ полумѣры, о которыхъ будетъ совѣщаться созванный полупарламентъ, преспокойно умѣстятся въ карманахъ мѣстныхъ воротилъ. Не станетъ легче ни рабочимъ, ни социалистамъ, ни той части нашего общества, тенденціи которой представлялъ, скажемъ, Щедринъ.

Но часть земскихъ дѣятелей будетъ удовлетворена. Земства пріобрѣтутъ нѣкоторую самостоятельность по отношенію къ мѣстной администраціи. Будутъ болѣе или менѣе довольны и представители нашей промышленности: ихъ коллективныя нужды получаютъ въ полупарламентѣ органъ для своего выраженія. Получитъ кое какія поблажки и литература, и наиболѣе умѣренныя изъ ея оппозиціонныхъ теченій будутъ удовлетворены. Къ тому же, у всѣхъ явится надежда, что дарованныя учрежденія способны къ дальнѣйшему развитію, что маленькія права русскихъ гражданъ будутъ постепенно расширяться.

И если, съ годами, они дѣйствительно будутъ расширяться, то вмѣс-

тѣ съ тѣмъ будетъ неизбежно съуживаться и съуживаться кругъ неудовлетворенной интеллигенціи.

За весь этотъ періодъ постепенно и безъ „потрясеній“ совершающагося развитія русскихъ представительныхъ учреждений, останутся всѣ старыя и прибавятся новыя резоны съ пропагандой социализма и съ организаціей рабочихъ маленько погодить. „Права“ на это еще не дано, и „назрѣвшимъ“, „ближайшимъ“ вопросомъ русской жизни остается все то же приобрѣтеніе правъ все той-же силой общественного мнѣнія (иной-то безъ рабочихъ не имѣется), получившаго свой органъ въ полу-парламентѣ.

Но вотъ, черезъ много лѣтъ (вѣдь развитіе есть дѣло постепенное), нашъ предполагаемый парламентъ приобрѣтаетъ право обезпечить законодательнымъ актомъ свободу прессы, собраній, организацій.

Вся бѣда лишь въ томъ, что еще раньше наступленія желаннаго момента весь тонъ и цвѣтъ русскому общественному мнѣнію начнутъ задавать уже не идеологи, возводящіе свободу въ принципъ и способные признать право на распространеніе даже за тѣми идеями, которыя считаютъ вредными, а заправскіе, практичныя буржуа, безъ самомалѣйшихъ прищиповъ — вотъ пзъ тѣхъ, что подавали адреса съ обѣщаніями искоренить социализмъ. Имъ вовсе не поправится перспектива занесенія въ Россію язвы рабочихъ социалистическихъ организацій. И къ закону о свободѣ печати будетъ сдѣлано добавленіе, грозящее суровыми наказаніями за распространеніе идей, возбуждающихъ вражду между классами и колеблющихъ всякія священныя основы. Соотвѣтствующія добавленія будутъ сдѣланы и къ законамъ о свободѣ организацій, собраній и проч.

О полезности всѣхъ этихъ добавленій напомнить нашему благоразумному парламенту европейская Соціаль-Демократія, да смутное броженіе, стачки и беспорядки среди русскихъ рабочихъ. Что же касается до революціонной интеллигенціи, то къ тому моменту, когда окончательно обуржуазится наше общественное мнѣніе, отъ нея не останется и слѣда. Протрезвленное общество воспитаетъ молодежь, ни о чемъ не помышляющую кромѣ удовольствій свойственныхъ ея возрасту.

Такимъ образомъ Россія безъ всякихъ бурь и потрясеній, минуя всѣ праздники Европы, благополучно перейдетъ пзъ мрачныхъ будней абсолютизма въ будни буржуазно-консервативнаго строя, не приобрѣтѣя за время перехода смущающаго благополучіе европейской буржуазіи, сознательнаго, мыслящаго рабочаго класса.

Не вѣчно, впрочемъ, будетъ счастье и нашего буржуа. Русскій рабочий классъ проснется рано или поздно и безъ помощи революціонеровъ изъ буржуазной среды. Его, во всякомъ случаѣ, разбудитъ громъ социалистической революціи въ Европѣ. Правда, проснувшись такъ поздно, онъ не сможетъ помѣшать нашей буржуазіи двинуть русскія войска на спасеніе священныхъ устоевъ капитализма, и снова русская кровь будетъ литься за неправое дѣло, снова русская сила явится бичемъ и проклятьемъ освобождающихся народовъ. Однако, справившись съ внутренними врагами, народы справятся, конечно, и съ внѣшними.

XI

Но неужели революціонное движеніе русской интеллигенціи, когда-то такое сильное, такое чистое, такъ искренно желавшее отдать свои силы на служеніе народу, — неужели оно одно прекратится, почти ничего для него не сдѣлавши?

Намъ хочется вѣрить, что этого не будетъ, что русская революціонная интеллигенція успѣетъ во время покончить всѣ свои недоразумѣнія съ научной революціонной мыслью и всей душой отдастся своей исторической задачѣ, сконцентрируетъ на ней всѣ свои силы и помыслы.

Многимъ вѣжется теперь, что рабочихъ уже много и долго пропагандировали, что ихъ невосприимчивость къ пропагандѣ доказана многолѣтнимъ опытомъ.

Во первыхъ не такъ ужъ много. Но дѣло не въ томъ даже, много ли пропагандировали, а что и, главнымъ образомъ, какъ пропагандировали.

Изъ всѣхъ дѣлъ, которыми занималась наша революціонная интеллигенція, только рабочимъ дѣломъ она и не увлекалась, только въ него и не вкладывала души. И причина такого отношенія лежала вовсе не въ характерѣ самого дѣла и не въ качествахъ интеллигенціи, а въ ея народническихъ программахъ, въ ея міросозерцаніи, мѣшавшемъ ей видѣть въ успѣхѣ рабочего дѣла свой главнѣйшій успѣхъ и отъ него ожидать своей побѣды.

Какъ же могли наши революціонеры разбудить рабочихъ, заставить ихъ повѣрить въ свою коллективную силу, понять свое будущее значеніе, когда они сами въ нихъ не вѣрили?

Но еслибы русскіе революціонеры смогли проникнуться той мыслью, что въ передачѣ рабочимъ идей научнаго социализма заключается все ихъ служеніе народу, все, что могутъ они для него сдѣлать, и если бы они отдались этому дѣлу съ той любовью, съ тѣмъ увлеченіемъ, какое вкладывали въ былые годы въ то, что считали своей главной цѣлью, они несомнѣнно имѣли бы успѣхъ. Русский рабочий не глупѣе и не тупѣе отъ природы никакого другаго.

Той же передачей рабочимъ идей социализма они выполнили бы и свою долю работы въ политическомъ освобожденіи страны. Только разбудивши рабочихъ, можно звать ихъ на борьбу за политическую свободу, а безъ рабочихъ невозможна и самая борьба.

Только этимъ революціонеры могли бы создать и такія условія, при которыхъ были бы возможны серьезныя мѣры въ пользу не раззоренной части крестьянъ. На эти мѣры способно только смѣлое, идейное правительство, а подобное правительство мыслимо лишь въ медовые мѣсяцы послѣ побѣдоносной революціи, которую совершить пробужденный социализмомъ рабочий.

В. Засуличъ.